

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Вячеслав ШАЛЫГИН

КАРАНТИН

Сезон Катастроф

Вячеслав Шалыгин

Карантин

«ЭКСМО»

2014

Шалыгин В. В.

Карантин / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2014 — (Сезон Катастроф)

Сезон Катастроф продолжается! «Серые», загадочные существа, способные принимать любой облик, терроризируют население территорий, прилегающих к аномальным зонам, которыми, как незаживающими язвами, покрылись все континенты Земли. Чтобы справиться с этой и другими напастьми Сезона Катастроф, был проведен секретный эксперимент под номером 431. Последствия не заставили себя ждать. А разгребать их приходится ветерану Игры на Выживание, опытному сталкеру Андрею Луневу. Мастер Игры на его стороне, но и зловещий Претендент еще не сложил оружия...

© Шалыгин В. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	22
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вячеслав Шалыгин

Карантин

© Шалыгин В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Все началось осенью 2015 года. Реальность вдруг покрылась сетью трещин, Зловещее Нечто прорвалось через эти разломы бытия и установило вокруг точек прорыва свои, порой совершенно непонятные людям правила игры.

Найроби, Бангкок, Новосибирск, Дубай, Каракас, Детройт, Москва... Меньше чем за год число пугающих аномальных зон увеличилось до полусотни и продолжило расти. Никто не мог угадать, где в очередной раз рванет, поскольку не существовало никаких примет-предвестников, что именно здесь образуется разлом.

Нереальные амплитудные землетрясения, странные «застывшие» извержения вулканов и невообразимые по силе и продолжительности песчаные бури. Необъяснимые стремительные наводнения в маловодных регионах и тлеющие без пожаров земли. Болота, полные невозможных тварей, и странные территории, где время меняло свой ход. Города, в которых нельзя было найти нужный дом, потому что здания постоянно перемещались, как шахи на доске, и города, в одночасье замерзшие среди жаркого лета. Это лишь краткий список проблем, которые встречались на территориях вокруг разломов реальности. Ни в одном из мест прорыва сценарии вторжения не повторялись, но каждый раз из сопредельных пространств, времен или измерений в нашу реальность прорывалось худшее, что мог создать смежный мир.

Впрочем, имелись и общие признаки точек разлома мироздания: подавление всех видов радиосвязи, наличие в центре аморфной черной кляксы – собственно места разлома и загадочные однотипные вещицы – размером с ладонь квадратные металлические пластины непонятного назначения. Их обязательно находили в пределах аномальной зоны. Какое-то время спустя этим вещицам придумали название – «пакали», но их назначение и свойства еще долго оставались загадкой. До тех пор, пока в этот вопрос не внес ясность созданный бизнесменом Кирсановым Центр изучения катастроф. Именно ЦИК с самого начала активно занимался проблемой разломов и очень скоро превратился в единственную реальную силу, способную если не противостоять разрушению мира, то хотя бы помочь человечеству найти свой путь по лабиринту, созданному из осколков мироздания.

Так все и началось. Мир то ли перевернулся, то ли вывернулся наизнанку, не имеет значения. Важно лишь то, что ему пришлось принять новые правила существования. Правила жестокой Игры на выживание. Игры, названной ее участниками Сезоном Катастроф.

Пролог

Зона разлома 55 (Омская).

День «Д»

Перед рассветом все в природе на миг замирает, будто бы в ожидании гимна восходящему солнцу, и это единственный случай, когда гимном служит тишина. Краткий миг тишины, после которого мир наполняется звуками, красками и светом. Иногда бывает, что звуки, краски и свет смазываются непогодой, но гимн тишины перед этим обязательно звучит. Если, конечно, все не испортят люди.

Это июльское утро в центре зоны нестабильности с порядковым номером 55 выдалось хорошим, ожидаемо ярким, но миг тишины перед рассветом так и не наступил. Всему виной была деловая суeta множества людей. Рокот техники, громкие разговоры, топот и бряцанье оружия так и не дали окружающему миру послушать гимн. Это не остановило восход, но пробуждение природы вышло смазанным, факт.

– А как начнется день, так и пройдет, – вслух закончил свою мысль журналист Александр Кривов. – Противоестественно.

– Что? – не расслышав комментария, переспросил немолодой пилот маленькой вертушки с логотипом крупнейшего федерального телеканала на борту.

– Не нравится мне все это, Петрович, вот что, – ответил журналист. – Попробую еще раз пробраться к разлому. Если не получится, будем снимать на длинном фокусе с воздуха. Будь готов.

– Да не вопрос. – Пилот отсалютовал, как в советском детстве. – Всегда готов.

Кривов как-то странно покосился на пилота и едва заметно поморщился, будто бы его покорила какая-то из частей бодрого ответа Петровича.

Александр проверил, на месте ли пластиковая карточка с журналистской аккредитацией, включил камеру на запись, шумно выдохнул, как перед прыжком в холодную воду, и решительно двинулся в сторону оцепления, которое плотно перекрыло все подходы к непримечательному вроде бы перелеску. В окрестностях Омска таких перелесков было множество, лесостепь все-таки, но именно за этим «околом», как называли подобные рощицы местные жители, прямо в чистом поле чернела подвижная клякса разлома реальности.

Кривов на секунду остановился, сделал пару снимков и двинулся дальше, продолжая записывать видео.

– Третий день как мы в зоне разлома номер пятьдесят пять, – прокомментировал он. – Надеюсь, хотя бы сегодня не придется хитрить, прорываясь к разлому всеми правдами и неправдами. Генерал Соболев лично пообещал, что журналистов подпустят к разлому хотя бы на полкилометра. Вообще, конечно, опасения военных понятны. Эксперимент задуман сложный, опасный, даже дерзкий. Ведь ученые пока так мало знают о разломах. С другой стороны, мы все взрослые люди, понимаем, на что идем. А какие-то технологические секреты... нам они к чему? Да и смешно оберегать то, что станет секретом Полишинеля через два-три часа. Шило в мешке не утаишь. Как только экспериментальная установка заработает, всем станет ясно, что конкретно она из себя представляет и какую цель преследуют ученые. Ну ладно, позавчера, допустим, сохранение тайны еще имело смысл. Вчера тоже. Но сегодня... это формализм чистой воды.

Александр вышел на дорогу, которая еще три дня назад была узким и заросшим травой проселком, а теперь превратилась в широкий серый тракт, укатанный до каменной твердости многочисленной военной техникой. Отсюда уже были видны армейские посты и снующие по опушке перелеска специалисты в штатском, а также машины и палатки.

Издалека донесся рокот, посвистывание и характерное лопотание вертолетов. Две боевые вертушки прошли над рощицей и улетели куда-то на восход. Скорее всего, просто зашли на круг. Обстановка складывалась напряженно-торжественная, как перед боевой операцией.

– День «Д», – продолжил комментировать Кривов. – Финальный этап эксперимента. Вон там справа стоит машина с будкой, а рядом на раскладных столиках и штативах установлены приборы. Это вотчина метеорологов. Насколько я понял, успех эксперимента сильно зависит от погодных условий. Поэтому сейчас наверняка проходит сто первое снятие показаний метеорологической аппаратуры. Хотя и без точных данных понятно, что день будет ясный. Это сто процентно. Взгляните на небо и на траву. Небо чистое, под ногами обильная роса, а воздух стремительно прогревается. Что и требуется для успеха эксперимента. Почему я так уверенно об этом говорю? Признаюсь, кое-что за прошедшие два дня мне все-таки удалось узнать. И это не слухи и домыслы бойцов оцепления или вспомогательного персонала полевой лаборатории. Это информация «источника», близкого к руководителю эксперимента, известному в научных кругах чешскому ученому Роману Кукумбергу. Кстати, отличный дядька, умнейший, контактный, хорошо говорит по-русски и не шарахается от прессы, что, сами понимаете, с моей точки зрения, особо ценное качество. Из Европы с ним приехали два коллеги-помощника, а прочий персонал предоставили наши военные. Нет, не все сотрудники полевой лаборатории армейские специалисты, довольно много гражданских, но ведущего инженера пану Кукумбергу навязали военного. Кстати, вот он, как раз у машины метеорологов. Подполковник Худобин. Как я и предполагал, в сто первый раз уточняет метеоданные. Стоит отдать должное господам военным, подготовка ведется очень тщательно. Даже пан Кукумберг это отметил.

Кривов медленно увеличил изображение, затем так же медленно вернул общий план.

– Интересный момент. Мы находимся в зоне нестабильности, никаких сомнений в этом нет. Ведь за перелеском чернеет разлом, а радиосвязь не работает в радиусе пятидесяти километров. Поэтому вы, друзья мои, смотрите этот репортаж в записи, а не в прямом эфире. Но, что удивительно, здесь нет никаких других признаков аномальной активности. И это не только мое личное впечатление. Это научно доказанный факт. Северо-восточнее того места, где я сейчас нахожусь, развернут еще один научный лагерь. В нем также работают военные специалисты, но изучают они не разлом, а прилегающие территории. Ищут признаки проникновения в наш мир чего-нибудь аномального или, как теперь принято говорить, «потустороннего в прямом смысле». Насколько мне известно, до сих пор были замечены только три признака, типичных для любой зоны, можно сказать, «классических»: разлом, подавление радиосвязи и пакали. Да, да, в этой зоне практически сразу же были найдены несколько пресловутых пакалей, загадочных артефактов, которыми, как известно, очень сильно интересуются в Центре изучения катастроф. Какие, где, когда и кто их нашел, остается закрытой информацией. Но, как вы понимаете, сам факт того, что данные засекречены, дает ответ по крайней мере на один из вопросов. Без сомнений, пакали были найдены армейскими квестерами... извините, разведчиками – слово «квестер» приводит их в ярость. Вы спросите, как разведчики умудрились опередить квестеров всемогущего Центра изучения катастроф? Все просто. Слева от меня, буквально в нескольких километрах, расположен учебный центр ВДВ. А эти поля и перелески – тренировочные площадки и полигоны. Теперь уже бывшие.

Александр почти поравнялся с первым постом, поэтому был вынужден поставить запись на паузу. На этом этапе пути обычно трудностей не возникало, но мало ли что? Однако скучающие в оцеплении вот уже двое суток подряд десантники лишь скользнули взглядом по журналисту и даже не потребовали предъявить пропуск. Кривова за два с лишним дня все успели запомнить в лицо.

В тени деревьев, под которыми был разбит лагерь научной экспедиции, как упорно называли свою походную лабораторию ближайшие помощники Кукумберга, на журналиста и вовсе не обратили внимания. Всем было не до гостя. Движение суетливого народа по всему пере-

леску можно было смело назвать броуновским. Все куда-то спешили, делая весьма озабоченные лица, но выявить единый центр притяжения не представлялось возможным. Казалось, что все двигались во все стороны, умудряясь оставаться в границах перелеска. И каждый делал это с таким видом, словно был глубоко убежден, что именно от него зависит успех эксперимента. Будто бы стоило ему опоздать, и кранты, «гипс снимут, клиент уедет, все пропадет». Будь Кривов вражеским разведчиком, он сошел бы с ума, пытаясь понять по лицам и поведению персонала, где тут находится штаб или спрятан главный секрет.

Но Александр знал все, что нужно, и без подсказок озабоченного персонала. Он уверенно двинулся по «главной аллее» – узкой тропе, протоптанной сквозь весь перелесок. Тропа дважды изгибалась, поэтому сразу увидеть, что творится по ту сторону зарослей, Кривов не сумел. Но после второго поворота он все-таки поймал в объектив то, за чем охотился вот уже третьи сутки.

Раньше над заветным секретом была натянута маскировочная сеть, но теперь ее аккуратно снимали, и Александру постепенно открывалась пресловутая установка Кукумберга. Во всей красе. Если можно так сказать о здоровенном, на базе бронетранспортера, нагромождении механических деталей, каких-то электронных блоков и электромоторов.

Кривов замер на месте и взял крупный план. Восходящее солнце эффектно подсвечивало механического монстра, и он будто бы реагировал на живительные лучи светила. Сервоприводы тонко жужжали, а несколько деталей наверху установки едва заметно двигались в такт этим звукам. Установка будто бы самонастраивалась. Хотя, возможно, настройкой руководили операторы. То, что их не было в кадре, ничего не значило.

Впрочем, несколько человек в кадре все-таки были. Двое военных, двое гражданских и сам профессор Кукумберг. Он что-то увлеченно разъяснял помощникам, указывая то на восходящее солнце, то на разлом. С позиции Кривова можно было увидеть почти половину огромной кляксы с подвижными, постоянно «куда-то бегущими» краями. Падающий на поверхность кляксы свет, как бывало всегда, не отражался, поэтому разлом казался абсолютно черным. И даже не черным, а... никаким. Просто прорехой в мироздании. Или как-то так. Даже опытному журналисту и блогеру Кривову трудно было подобрать нужные слова, чтобы описать разлом.

– Насколько я понимаю, проводятся последние тесты перед запуском, – вспомнив о камере, негромко прокомментировал увиденное Александр. – Те штуковины наверху приводятся в движение электромоторами. Зачем? Пока непонятно. Но это как-то связано с солнечным светом. Понаблюдайте за жестикуляцией пана Кукумберга, он стоит ближе всех к установке. Ученый то и дело указывает на солнце, а затем на установку и разлом. Кстати, вот вам традиционный крупный план разлома реальности. Кроме довольно обширных размеров, в нем нет ничего нового, но лично меня это зрелище не перестает удивлять и отчасти пугать.

– Внимание, готовность три! – донеслось вдруг из спрятанных в лесу громкоговорителей. – Всему персоналу занять места согласно штатному расписанию. Оцеплению и подразделениям огневой поддержки боевая тревога. Повторяю, готовность три...

– В сторону!

Кривова толкнули в спину, и он был вынужден резко податься влево и прижаться к ближайшей березе. Мимо пронеслись два десятка десантников в полной боевой выкладке. Бойцы проворно рассредоточились и взяли установку под прицел. Почему именно установку, а не разлом, Александр не понял. Но ему важнее было то, что бойцы не прогнали его из «репортерской ложи». Из-за дополнительного оцепления видимость стала чуть хуже, но ведь не пропала вовсе. Кривов по-прежнему мог снимать установку и разлом, просто в чуть худшем ракурсе.

– Готовность два, – вновь ожили скрытые в листве «матюгальники». – Начать калибровку изделия. Тестовый сигнал подать.

Снова зажужжали сервомоторы, и Александр вдруг понял главное – компоновку и основной принцип действия установки. То, что двигалось наверху, это были обрамленные замысловатыми рамками зеркала. Очень маленькие, немногим больше ладони, но идеально отполированные и какие-то будто бы не зеркальные вовсе, а... металлические? Четыре странных зеркальца ловили солнечный свет и фокусировали его где-то в глубине установки. Может быть, на главном зеркале? И что дальше? Этот свет проходил через какую-то систему линз и попадал на некую матрицу, как в фотокамере? И в чем тут смысл?

– Очень странные зеркала, – пробормотал Александр, забыв, что камера записывает и комментатору полагается говорить более внятно. – Явно не вогнутые зеркала, плоские... и какие-то... очень уж... странные, в общем. Черт! Неужели...

Кривов покосился на свой «Кэнон» и замер от невероятной догадки. У него даже шевельнулись волосы от такой грандиозной версии. Металлические квадратные зеркала размером чуть больше ладони! Ассоциация с пакалями напрашивалась сама собой! Неужели установка Кукумберга фокусировала свет, отраженный от зеркальных пакалей? Но зачем и на какой матрице?!

– Уж не на разломе ли? – совсем тихо выдохнул Кривов.

Взгляд журналиста невольно переместился на кляксу разлома. Пока ничего особенного с ней не происходило. Да и не факт, что должно было произойти! Но Александр почему-то продолжал пялиться на кляксу, глубоко в душе ожидая, что вот-вот с ней начнет твориться нечто особенное.

«Не знаю... волны пойдут или фонтан черной субстанции ударит, – мелькнула мысль. – Или цвет поменяет. Ну, то есть обретет. Может, не сразу, постепенно...»

Ничего из перечисленного не произошло ни сразу, ни постепенно. Клякса оставалась непроницаемо черной и гладкой, с подвижными краями.

– Готовность один, – продребезжал механический голос из динамиков.

Кривов вздрогнул от неожиданности. Только теперь он понял, что ничего не случилось, поскольку еще не время.

– Ложись! – пронеслась команда над перелеском и окрестностями. – Приготовиться к вспышке прямо!

– Повторяю! Готовность один. Начать фокусировку. Открытие диафрагмы на ноль. Десятисекундный обратный отсчет. Десять... девять... восемь...

– Кривов, какого хрена... – рядом вдруг возник офицер из научной роты, который отвечал за общение с прессой. – А-а, теперь поздно, но вы хотя бы совесть имейте!

Он положил руку на камеру и вынудил Александра направить объектив в землю.

– Два... один... ноль! – торжественно продребезжал голос из динамиков. – Поехали!

Ничего особенного после неуставной, но традиционной и многозначительной команды вроде бы не произошло. Кривов во все глаза смотрел на установку, но не видел ни малейших признаков того, что непонятная штуковина перешла в какой-то особый режим работы. На счет «ноль» сервомоторы в последний раз вжикнули, а на «поехали», вопреки команде, замерли. Только и всего. Александр даже хотел разочарованно выдохнуть, но в последний момент придержал выдох и тоже замер. Все потому, что его взгляд невольно переместился чуть правее, на то место, где чернела клякса разлома реальности. Где она чернела буквально секунду назад. Теперь, за малым исключением, там была ровная, покрытая веселой зеленой травкой земля!

Кривов невольно подался вперед и вправо. И стоящий рядом офицер не сумел его удержать.

И вот уже с новой позиции Александр увидел самое важное. Разлом стремительно сжимался! Откуда-то из недр установки в центр черной кляксы бил яркий тонкий луч солнечного спектра, и эта ультрафиолетовая игла будто бы проткнула бесформенный аномальный пузырь вселенской пустоты. Куда «уходила» сквозь образовавшийся прокол загадочная «пустота»,

можно было лишь фантазировать, но факт оставался фактом. Разлом уменьшался прямо на глазах.

Кривов замер с отвисшей челюстью. Офицер тоже. Зрелище было невероятное. Самая пугающая в мире загадка вдруг сдалась под натиском человеческой научной настырности. Пусть ученые использовали против неизведанного чужие технологии, пусть к решению проблемы они пришли явно экспериментальным путем, а не в результате какого-то выстраданного в мозговом штурме открытия. Какая разница?! Они добились результата, вот что имело значение.

– Обалдеть, – вырвалось у офицера. – Редукция! Пан Кукумберг был прав! Эта штука реально работает!

– Еще не полная редукция, – Кривов указал на центр разлома. – Клякса замерла. Смотрите...

– Да и ладно, – офицер заметно разволновался. – Разлом был почти пятидесятиметровым, а теперь... сколько там... метра три? Это победа, Кривов! Научная победа! Мы доработаем эту штуку и залатаем все дыры!

– Я сниму? – Александр вновь направил камеру на разлом.

– А-а, валяй! – радостно отмахнулся офицер.

Кривов заглянул в видоискатель, нажал на спуск, но снимка не получилось. Видеть разлом ничто не мешало, но камера почему-то не отреагировала. Александр пощелкал рычажком включения-выключения, быстро сменил аккумулятор, но так ничего и не добился. Камера по неведомой причине «умерла».

Кстати, и все другие механизмы и приборы вокруг тоже зависли. Это было нетрудно определить по тому, что стихли все «технологические» звуки. Украденная у рассвета секунда абсолютной тишины наступила с запозданием в час.

Кривов бросил взгляд на часы. Швейцарский, хороший, но все-таки «кварц» тоже стоял. Стрелки замерли в пресловутой комбинации «полшестого».

– Что-то не так, – сообщил Александр офицеру. – Электроника висит.

– Что? – офицер обернулся и вдруг изменился в лице. – Нет! Кривов, беги!

– В чем дело-то? – Александр поднял удивленный взгляд на военного.

Увиденное лишило журналиста не только дара речи, но и всех сил. И физических, и моральных. Офицер, буквально на глазах, превращался в подобие человека-свечи. Он «оплывал», теряя одежду, волосы, кожу и подкожную клетчатку. Казалось, что невидимое, но мощное и чистое, без копоти пламя охватило и теперь стремительно пожирает этого человека.

Кривов попытался сдвинуться с места, но не сумел. Ноги будто бы прилипли к земле. Он опустил взгляд и вдруг понял, что тоже превратился в невидимый на фоне солнечных лучей факел. Боли при этом не было. Была только обида. На самом интересном месте и такая вот незадача...

* * *

Петрович еще затемно почуял, что за лесом в центре зоны сегодня случится неладное. Опыта в таких делах ему было не занимать. И аномальная зона не первая, и, в принципе, чутье отточенное. У пилотов ведь оно особое, поддающееся тренировке.

Поэтому, когда Кривов ушел в разведку, пилот почти сразу же начал готовиться к вылету. И профессиональное чутье не подвело. Над перелеском только прозвучало «готовность три», а в зарослях уже замелькали подозрительные тени.

Петрович бывал с отчаянными журналистами в разных переделках, поэтому научился безошибочно отделять опасные подозрительные тени от просто подозрительных. Эти были

явно опасны. Серые, будто бы затянутые в облегающие комбинезоны фигуры промчались сначала в одну сторону, затем в другую, а после рванули в сторону разлома.

То есть эти подозреваемые мало того что скрытно метались по лесу, так еще и в серых комбинезонах. А кто такие по нынешним временам эти «серые»? Правильно, хрен поймешь кто. По версии авторитетного ЦИКа «серые» особой опасности не представляли, поскольку были заняты какими-то своими делами и в дела людей вмешивались очень редко. Петрович знал одного человечка из ЦИК, и слышал от него, что квестеры считают «серых» скорее конкурентами в какой-то непонятной Игре, а не врагами, но лично для пилота мнение квестеров было не настолько авторитетным, как подсказки собственного чутья и опыта. Петрович однажды видел своими глазами, что один из этих «серых» стрелял из странного оружия. Не в людей, просто ему зачем-то потребовалось расчистить завал, но зрелище все равно впечатлило и напугало пилота. А значит, что бы там ни говорили квестеры из Кирсановской конторы, потенциально «серые» были врагами.

Так что, завидев «серых», Петрович принял единственно верное решение. Сразу же забрался в кабину и запустил двигатель. В случае реальных осложнений ему оставалось только добавить оборотов и взлететь.

Собственно, так он и поступил, когда через полминуты после разлетевшегося над лесом сообщения о «готовности два» на борт запрыгнул запыхавшийся, с вытаращенными глазами Кривов.

– Ходу, Петрович! – крикнул журналист. – Как только сосчитают до одного, электромагнитным импульсом все кругом накроет. Знаешь, что это?

– Не дурак, школу закончил без троек, – пилот потянул рукоятку на себя и аккуратно поднял вертушку в воздух. – Вся электроника войдет в штопор. На базу?

– Куда хочешь, только чтобы подальше от разлома! И поскорее, Петрович! Кроме импульса еще и радиация будет. Да такая... Хиросима без взрыва! И вспышка возможна!

– Ты откуда узнал?

– Ученые просчитали. Только не все согласны с теорией. Ну, знаешь... там... у них ведь всегда споры научные. Гамбургерами не корми, только дай гипотезами пофехтовать.

– В таких спорах лично я занимал бы сторону пессимистов.

– Вот и я так думаю. Жми, Петрович!

– Жму, не волнуйся. Камера твоя где?

– Накрылась, – после секундного замешательства ответил Александр. – Ничего, нужный кадр я и смартфоном сделаю. Улететь бы подальше.

– Не волнуйся, говорю же, – Петрович покосился на Кривога. – Не в себе ты что-то, Саня. Вроде бы не из пугливых, а переполошился, как моя теща при виде колорадского жука. В натуре там все настолько серьезно? Неужто серьезнее, чем в Москве или Питере?

– Может, и хуже! Скоро узнаем.

– О чем и говорю, – пилот вновь покосился на Кривога. – Странно, что ничего пока не случилось, а ты уже в панике.

– А мне странно, что ты рассуждаешь, вместо того, чтобы выжимать из своей стрекозы максимум, – вдруг холодно заявил журналист. – Не искушай меня, Петрович. Вниз без парашюта не самый лучший маршрут. Или хочешь проверить?

Последние фразы показались холодными потому, что не имели никакой интонации. И звучали слова будто бы отовсюду, а не из одного конкретного источника. Пилот бросил удивленный взгляд на пассажира и вдруг обнаружил, что рядом с ним сидит никакой не Александр. Рядом сидел худощавый «серый». Безликий, затянутый в комбинезон и пугающий одним фактом своего присутствия. И он держал пилота на прицеле своего странного, похожего на обычную эстафетную палочку или беспроводной микрофон, оружия.

Как было уже сказано, Петрович не раз видел «серых» и даже стал свидетелем того, как действуют их «пушки», поэтому сохранил почти полное спокойствие. Удивляться тут было нечему, подумаешь, вооруженный «серый», эка невидаль! Пугаться тоже не следовало. Ну, стрельнет, и что дальше? Сам-то куда денется? От выстрела ведь всю вертушку раскурочит, и на чем он тогда полетит, даже если умеет управлять вертолетом? На эстафетной палочке своей верхом? На юного волшебника он не похож, рухнет однозначно. Короче говоря, опасаться на самом деле было нечего, поэтому Петрович и сохранял почти полное спокойствие.

«Почти», а не абсолютно полным было его спокойствие по двум причинам. Во-первых, пилот все-таки впервые видел, чтобы «серый» маскировался под обычного человека, и это сбивало с толку. А во-вторых, Петровича беспокоила судьба реального Кривова. Похоже, в результате проделанного «серым» трюка Петрович невольно подставил своего напарника-журналиста.

Впрочем, тут уж ничего не поделать. Хоть беспокойся и мучайся угрызениями совести, хоть – нет. Внизу, в центре Зоны 55 уже наверняка прозвучала заветная фраза «готовность один» и начался обратный отсчет. Спасать настоящего Саню было поздно. Оставалось спастись самому. Хотя бы ради разоблачения этого хитрозадого «серого». В память о Сане, если все действительно взорвется.

– Нормально, прорвемся, – непонятно, себе или худощавому «серому» сказал пилот и выжал из «стрекозы» максимум.

– Приготовься, – вновь прозвучал в кабине голос без интонаций.

Пилот вдруг осознал, что слышит голос вполне отчетливо, без помех. Не мешали ни наушники, ни звук работающего двигателя.

«Звук работающего двигателя?!»

Петрович почувствовал, что холодеет. Он не слышал звука двигателя потому, что тот не работал! На смену привычным звукам пришла полная тишина.

Петрович сдернул наушники. Теперь он слышал вой ветра и вялое, полусонное посвистывание и похлопывание лопастей. Вертушка с заглушим двигателем перешла в режим авторотации, но это не утешало. По-прежнему рассекающие воздух лопасти могли только чуть замедлить падение, но не предотвратить его.

Петрович бросил взгляд на приборы. Ни один не работал. «Стрекоза» превратилась в неуправляемый двухместный саркофаг.

– Падаем, – выдохнул пилот и криво усмехнулся. – Твоя работа, гладкомордый?

– Моя, – как всегда, бесстрастно ответил «серый». – Тяни до границы зоны.

– Крылья выпустить и помахать? – Петрович стер со лба капли холодного пота. – Ур-род!

– Держи аппарат ровно.

– Да пошел ты! – пилот заглянул в боковое окошко со своей стороны. – Метров триста до земли! Молись, ящерица!

«Серый» дернулся, словно ему не понравилось сравнение. Или напомнило ему о чем-то неприятном. Но комментировать реплику пилота он не стал.

Вертушка прошла над несколькими крохотными перелесками, и Петровичу стало ясно, где конкретно через считанные секунды упокоится его брненное тело. Это было ровное, почти квадратное поле между двумя дорогами, проселком и большим шоссе.

– Эх, до тракта бы дотянуть, – негромко проронил Петрович.

– Все верно, это граница зоны, – вдруг опять нормальным человеческим голосом прокомментировал «серый».

Пилот покосился на пассажира. Он снова принял облик Сани Кривова. Как, черт возьми, это ему удавалось, Петрович не понимал, но сейчас и не собирался загружаться. В последние мгновения ему хотелось думать о чем-то более важном. О семье, детях, прожитой жизни. Она была разной, иногда удачной, иногда – нет, местами скучной, а местами, наоборот, ураган-

ной, а потому безумно интересной и сейчас вспоминалась как-то по-особенному, в подробностях, но в то же время и целиком. Так ярко и объемно свою жизнь Петрович не воспринимал еще никогда. Поэтому отвлекаться на фокусы «серого» ему не хотелось.

«А вот на новые странности, пожалуй, можно и отвлечься, – вдруг пришла мысль. – Что с глиссადой? Какая-то она странная получается, очень уж полая. Ветер нас приподнял, что ли?»

Петрович невольно подался вперед и замер в напряжении. Вертолет по-прежнему снижался, но не так круто, как секундой раньше. Его будто бы догнала, чуть подкинула и заставила ускориться упругая воздушная волна. Она же заставила вертушку развернуться боком, и Петрович увидел то, что творилось в зоне.

Далеко – с минимальной высоты казалось, что почти у горизонта, а на самом деле в центре зоны – в воздухе разливалось нечто, похожее на северное сияние. Но радужная иллюзия была неглавным. От центра к периферии двигалась черная волна. Большой «круг на черной воде» стремительно расходился во все стороны к границам зоны, а перед ним, словно пенное обрамление, двигалась стена огня. Чистого, яркого, золотистого, как солнечный свет. При этом огненное обрамление разливающегося черного озера не сжигало леса и поля, а будто бы плавило или растворяло их. Деревья, кустарники, трава и редкие постройки оплывали, словно свечи, на миг превращались в бесформенные комки радужной субстанции, а затем исчезали в черной волне.

Зрелище было потрясающим. Замер даже Петрович, закоренелый скептик, прагматик и вообще не большой любитель щекочущих воображение спецэффектов. Он был не в силах оторвать взгляд от наполовину огненно-яркой, а наполовину космически черной картины.

Вертолет вдруг сильно трянуло и вновь развернуло в первоначальном направлении. Только эта встряска и помогла пилоту выйти из ступора. Сначала мелькнула паническая мысль о жесткой посадке, но ее тут же вытеснила вспышка эмоций, за которой мгновенно последовала целая вереница рефлекторных движений. И только после всего этого Петрович осознал, что происходит.

Во-первых, он обнаружил, что асфальтовое шоссе, ранее известное как Черлакский тракт, а теперь – как граница Зоны 55, осталось позади. Во-вторых, вертушка «ожива» точно так же внезапно, как до этого умерла в момент взрыва – а произошедшее в центре зоны иначе как взрывом Петрович назвать не мог. Без сомнений, это был аномальный, больше похожий на размазанный фейерверк, но все-таки взрыв. И в-третьих, сработав на вдавнившихся в подкорку профессиональных инстинктах, пилот сумел взять ситуацию под контроль. Вертушка уже почти коснулась посадочными «лыжами» поверхности раскинувшегося в километре от шоссе Иртыша, но Петровичу удалось выровнять полет, и в следующую секунду он даже ухитрился поднять и разогнать машину.

– Снижайся вон там, – по-прежнему замаскированный под журналиста «серый» указал вперед, на перелесок, зеленеющий немного южнее дачного поселка на левом берегу Иртыша.

– То есть дальше границы зоны эта черная дрянь не разольется? – Петрович с опаской покосился вниз.

– Нет.

– Слышь, гладкий, – пилота трясло от пережитого стресса, в то же время зашкаливающий уровень адреналина придавал ему бесшабашной смелости. – Только не вздумай жахнуть по мне из своей клистирной трубки, когда приземлимся. Не для того я тебя вывозил! Уж будь человеком.

– Человеком? – «Кривов» на миг озадаченно замер. – Я и так человек.

– Да ладно! – Петрович хмыкнул. – А я тогда гуманоид в сером трико. Ты не бойся, я про тебя никому не скажу. Хотя, конечно, надо бы. За границы зон, как понимаю, вам не полагается выходить? Или ошибаюсь?

- Особый случай, – нехотя ответил «журналист».
- Случай или это ты такой «особый»? – дотошный пилот хмыкнул. – Другие «серые», как понимаю, сгорели вместе со всеми.
- Много вопросов, Петрович, – холодно ответил «Александр». – Я человек и могу ходить, где хочу.
- Лады, лады, – ослабил натиск пилот. – Ты – человек. И поступишь по-человечески, да? Отблагодаришь меня за спасение.
- Я мог спастись и другим способом.
- Чего ж не спасся, если мог? – Петрович прищурился. – Не-ет, серко, лукавишь. Не мог ты без меня из зоны выскользнуть. Как тот артефакт. Без контейнера – не мог. Вот и запрыгнул в мою «стрекозу» вместо контейнера. Ну что, договорились?
- Ты выживешь, – немного помедлив, пообещал «Кривов». – И вернешься в зону, когда мне это потребуется.
- В зону? – Петрович покачал головой. – Не обещаю.
- Вернешься. Я же сказал, за это ты выживешь.
- А-а, ты в общем смысле? – пилот кивнул. – Другое дело. Обращайся, если что. Без проблем. Хоть ваш брат мне и не очень... но тут, как повернуть. Ты так и будешь рассекать в этом обличье?
- Вне зоны – да.
- Тогда совет... «Саня». Купи себе фотокамеру. Без нее в твою эту... аутентичность... никто не поверит. Настоящий Саня на свою «Пушку» разве что не молился. Ни днем ни ночью с ней не расставался. Уж маскироваться, так качественно, по-человечески. Да?
- Я учту. Еще вопросы?
- Крайний вопрос остался. Мог там кто-нибудь выжить? – Петрович кивком указал в сторону зоны.
- Там никто не погиб. Но никто уже не вернется. Они изолированы навсегда.
- Загадочно вещаешь, – пилот хмыкнул. – То есть народу как бы «пожизненное» впаляли ни за что ни про что. Тоже ничего хорошего, но лучше, чем могло быть. Успокоил. И на том спасибо...

* * *

Высадив худощавого «серого», Петрович бодро поднял вертушку в небо и взял курс на свою базу. Площадка для малой авиации и передвижные студии телеканалов базировались неподалеку, на окраине Омска, в районе, называемом местными жителями Московка.

Оставаясь в облике Кривова, «серый» проводил «стрекозу» взглядом. В какой-то момент рука сама скользнула в карман и нащупала оружие. Специфическое оружие «серых» создавало ударную волну разной силы, по желанию владельца. Одного выстрела на полной мощности было бы достаточно, чтобы зафутболить легкий вертолет на три километра в западном направлении, прямоком в «пылающую» зону. Этот трюк мог гарантировать «серому» полную конспирацию. Но «серый» предпочел рискнуть и оставить ушлого Петровича в живых. Пусть «серый» начал новый этап Игры по новым правилам самостоятельно, но вовсе отказываться от помощников он не хотел. Он разжал пальцы и вынул руку из кармана.

Когда вертушка скрылась вдаль, «серый» перевел взгляд на огненную стену, которая теперь ярко и четко обозначала границу зоны разлома.

В необычном «пожаре» действительно исчезли не только люди и все, что было в зоне. В нем сгинули многие «серые». Нет, они не сгорели, ведь вспыхнувший в зоне аномальный «пожар» на самом деле был не пожаром, а явлением особого рода. Правильнее было бы называть его метаморфозой. Но, в любом случае, все, кто попал в полыхающую аномальным «пла-

менем» зону, теперь были надежно изолированы. И это означало, что Игра больше не будет той же, что прежде. Теперь это будет Игра высшего уровня.

– Хотели игры по-крупному? – процедил сквозь зубы «Кривов». – Она началась. Делайте ставки. Лично я ставлю все на серое.

Он натянул серый капюшон костюма и решительным шагом двинулся к границе зоны. У последней черты он на миг остановился, а затем шагнул через отчетливую, будто бы прочерченную карандашом, границу. Прямоком в призрачное «пламя» бушующей над Зоной 55 аномальной метаморфозы.

Часть первая

Сибирская рулетка

Глава 1

Зона разлома 0 (Антарктида).

За сутки до дня «Д»

Тепло медленно разливалось по телу, возвращая Жизнь. Именно так, с большой буквы, поскольку в данный момент не было ничего важнее Жизни. Все проблемы, загадки, переживания и сверхзадачи казались песчинками – мизерными и ненужными. Единственной сверхзадачей осталась задача выжить. На ней и следовало сосредоточиться. И, похоже, это Лунёву удалось.

Андрей открыл глаза и уставился в потолок. Серый, монолитный, без швов и украшений вроде лампочек. В первый момент Лунёв даже решил, что это не потолок, а прежняя серая пелена перед глазами. Но света было достаточно, чтобы разглядеть структуру поверхности, поэтому версия с пеленой была быстро отброшена. Андрей скосил глаза и увидел источник света. Он тянулся по периметру потолка в виде светящегося шнура.

Лунёв попытался шевельнуться, и ему это удалось. Тело еще не отогрелось окончательно, но руки и ноги двигались. Да и вообще мышцы больше не были скованы. Разве что челюсти до сих пор сводило судорогой. То есть собеседник из Андрея пока был никакой, но по остальным параметрам он почти вернулся в норму.

Андрей сел и осмотрелся. Он сидел на полу в центре пустой комнаты без окон. Стены и пол были такими же серыми, как потолок. Из украшательств имелся упомянутый выше световой шнур, а из точек доступа – дверь. Она была приоткрыта. Видимо, это должно было сигнализировать, что Андрей не в заточении. И не только Андрей.

В углах комнаты полулежали, привалившись к стенам, еще четыре человека. Андрей обернулся. Да, так и было. Он в центре, четверо по углам. В этом была какая-то символика? Ну, если людей в эту комнату поместили «серые» – а такое подозрение возникло сразу, при первом же взгляде на серый потолок, – то символика имелаась наверняка. Они это дело любят. Лидер группы в центре, остальные по периферии. Логично. Ведь все четверо «угловых» были бойцами квест-группы Лунёва.

По углам стены с дверью сидели Муха и Бирик. Оба находились в обморочном состоянии, их лица, шеи и руки были покрыты множеством ссадин, небольших ран и синяков в форме типичных укусов, но оба квестера дышали и шли на поправку. Раны и ссадины затягивались, а синяки бледнели прямо на глазах. При этом лица квестеров оставались нормальными, человеческими. То есть раны не затягивались, как это происходило у зомби на *Острове Z* в Зоне 11, если только не прострелить им башку, а заживали. Почти, как это бывает у всех нормальных людей. Просто в разы быстрее.

Позади Андрея сидели Шурочка и Каспер. Их постигла другая беда, они замерзли до полного окоченения, гораздо сильнее, чем в *Западне*, на дне Московского моря в Зоне 17, но и к ним постепенно возвращалась Жизнь. Синяя от холода парочка медленно, но верно оттаивала и розовела.

Получалось, Мастер Игры все же выдал группе очередной бонус. Просто сделал он это в самый последний момент, когда квестеры соединили все пакали в ключевой комплект – почти такой же, как во время *Агрессии* тварей из разлома Зоны 29. Только новый комплект открывал не вход в особую аномальную зону, а выход из нее. Опять логично – есть результат, есть бонус.

Хотя и рискованно. Игра могла закончиться потерей игроков. Двое могли превратиться в зомби на Острове, а трое замерзнуть в Антарктиде, вблизи разлома неучтенной зоны нестабильности.

«Впрочем, что сделано, то сделано. Бог судья Мастеру Игры. А он – нам».

Андрей снова обернулся к двери и увидел Мастера. Он замер в проеме, будто бы разглядывая Андрея. Или читая его мысли.

Лунёв хотел было поприветствовать «серого» арбитра, но голос пока не вернулся, да и челюсти не разжимались. Антарктический холод никак не хотел выпускать свою жертву из цепких ледяных когтей. Мастер жестом разрешил не напрягаться, а затем указал на правую стену. Андрей перевел взгляд и увидел вырезанный на стене, словно на артефакте, текст. Наверняка это была новая подсказка для очередного этапа Большой Игры. Причем по количеству строк она оказалась значительно больше первой и второй.

Андрей не стал вникать в текст, а вместо этого вопросительно взглянул на Мастера.

«Мы в логове высокого худого «серого», условно говоря – Претендента на ваше место? – мысленно спросил Андрей. – Мы выиграли третью партию?»

– Да, Андрей Лунёв, – негромко, словно оберегая сон выздоравливающих членов группы, сказал Мастер. – Мы выиграли и теперь ведем в счете: два – один.

«Вы говорите «мы» потому, что лично помогли моей команде на последнем этапе? Это не по правилам, но вы пошли на это. Почему?»

– Я был вынужден так поступить, – вновь вслух ответил Мастер. – Соперник вмешался в ход игры – выстрелил в игроков. Мне следовало сделать более сильный ответный ход. Я перебросил вас напрямик к золотому пакалю, в девятую зону. Вам не пришлось искать недостающий пакаль.

«Это был самый короткий, а потому самый неожиданный квест, – Лунёв мысленно усмехнулся. – Неисповедимы пути... Большой Игры. Но Претендент не уgomонился, он еще дважды стрелял в нас».

– Больше я не делал ответных ходов. Перенос вашей группы в Антарктическую зону – заслуга ключевого комплекта пакалей. А то, что зеркальный пакаль притянул ключевой комплект, – заслуга самих пакалей.

«Вы говорите так, будто бы я вас в чем-то обвиняю. Даже сделай вы десяток ответных ходов в обход правил, это не моя забота. Мне главное, чтобы результат был нам на пользу».

– Я стараюсь играть честно.

«А Претендент постоянно мухлюет. И в последнее время делает это все чаще и наглее. Что ему будет за это?»

– Пока ничего.

«Вы его не поймали? Он снова ускользнул в последний момент? Его не оказалось в этом логове?»

– Нет.

«То есть игра не окончена?»

– Впереди новый раунд. Он сложнее предыдущего. И в нем будет необычная цель.

«Необычная? – вновь мысленно усмехнулся Андрей. – Не ключевой комплект артефактов и не очередное логово? Неужели цель – это сам Претендент?»

– Ты угадал, Андрей Лунёв. Теперь ясно, что Претендент больше не станет играть по правилам. В новой партии он будет участвовать лично.

«Нам придется сражаться непосредственно с «серым»? Вы доверяете нам такую сложную миссию? Что ж, это честь. Но как мы справимся с Претендентом, если найдем? Любой «серый» заведомо сильнее любого из нас».

– Найти его и справиться с ним помогут зеркальные пакали. Следуя моей подсказке, вы отыщете их, а затем сами пакали подскажут вам, как применить их для нейтрализации Претендента.

«Надеюсь, вы понимаете, что рискуете? И дело даже не в том, что «серый» заведомо сильнее. Боевые пакали не могут действовать избирательно, и если они опасны для Претендента, то опасны и для других «серых», включая вас, Мастер. Почему вы нам доверяете?»

– Да, эти пакали опасны для всех нас. Но дело не в особом доверии тебе и твоей группе, Андрей Лунёв, а в подстраховке. За выполнение задания вы получите бонус. На выбор: путь домой или возможность стать игроком особой мастер-команды. Это не значит, что вы станете «серыми», но гарантирует выживание в Сезоне Катастроф. То есть вы в любом случае попадете домой, но лишь в двадцатом году, когда наши миры вновь станут единой реальностью.

«Надеюсь, к тому времени мы сумеем выиграть оставшиеся партии Большой Игры, закончим Сезон Катастроф, и объединенная реальность будет стабильной?»

– На все воля... Игры, – Мастер чуть поднял голову, словно указал в потолок спрятанным под серой маской взглядом.

«Пожалуй, это тянет на подстраховку, – мысленно согласился Андрей. – Что ж, остается подождать, когда очнутся мои товарищи...»

– Нет, Андрей Лунёв. Я не стану ждать. Ты должен принять решение за всех.

«А если я откажусь?»

– Вы сможете уйти, чтобы жить, как все нормальные люди здесь, в мире Катастроф. Вы это заслужили, достойно показав себя в трех предыдущих раундах Большой Игры. Но больше у вас не будет шанса хоть как-то повлиять на события. Решай. У тебя пять минут. И на размышление, и на то, чтобы запомнить подсказку. Через пять минут подсказка исчезнет.

Пять минут на размышление – это куча времени. Мастер все-таки не до конца изучил характер своего главного игрока. Андрей принимал решения гораздо быстрее. И судя по тому, что был до сих пор жив, хотя не раз попадал в совершенно убойные передраги, решения он принимал верные. Вот и сейчас ему хватило считанных секунд. И на размышления о перспективах, и на осознание того, что он берёт на себя ответственность за судьбы друзей, и, собственно, на принятие окончательного решения. Остальное время ушло на зубрежку текста подсказки. Кстати, была она больше, чем предыдущие, но запоминалась легче, сразу, как детская считалочка.

*В начале было Слово, в конце Библиотека,
Они всему Основа, но лишь до Края Века,
Иллюзия Обмана хитрее всех обманов,
Не заживают Раны гранитных Истуканов.
Лягушка у Болота счастливей всех на Свете.
Тяжелая работа – с вершины слушать Ветер.
Прижмись к земле, почувствуй, как дребезжит
Основа,
Край Века за кормою, а дальше снова Слово.*

Андрей отвел взгляд от текста подсказки и без всякого труда мысленно повторил «считалочку о цикличности всего сущего». Наверное, дело было в привычной рифмовке. Какая-никакая, но в отличие от предыдущих подсказок, она тут имелась. Строчки не выглядели переводом с арабского. Очевидного смысла в стихе не было, но рифма присутствовала. Так что запомнить было легко.

Андрей еще раз взглянул на текст и отметил про себя, какие из слов написаны с большой буквы, помимо начальных в строках. Вероятно, это тоже имело какое-то значение.

«Имена, прозвища, населенные пункты? – мелькнула мысль. – Все может быть. Поэтому лучше запомнить».

– Не вопрос, – к исходу пятой минуты разжав, наконец, челюсти, выдохнул Андрей. – Я... мы все... принимаем ваше предложение, Мастер. Разбудите мою команду, и... погнали. Начнем именно с этого Слова.

Мастер Игры кивком указал на стену с текстом подсказки. Андрей вновь перевел взгляд вправо. Текста уже не было, зато на полу вплотную к стене лежал зеркальный пакаль. Лунёв с трудом поднялся и доковылял до стены.

Пакаль был необычным. Зеркальным – ладно. Это редкое явление, но не сказать, что необычное. А вот факт, что ни на выпуклой, ни на плоской стороне прямоугольного «зеркальца» не было никаких рисунков и линий, следовало считать именно необычным. Вряд ли тоже уникальным, но все-таки редким.

– Джокер, – хрипло выдохнул Бирик, склоняясь над плечом у Лунёва. – Слышал. Но не видел. Легенда.

Андрей обернулся. Мастера в комнате уже не было. Впрочем, этого Лунёв и ожидал. «Серый», как бывало обычно, отвлек внимание и смылся. Ну, да его присутствие здесь больше и не требовалось.

Старый смерил Бирика настороженным взглядом.

– Ты жив?

– Глупый вопрос, – Бирик, хмыкнув, взъерошил седую шевелюру и протянул руку. – Пощупай. Теплая. И пульс имеется.

– А говорит он, как зомби, обрывками, и репу чешет потому, что мозг пока притормаживает, – заметил из своего угла Муха. – После клинической смерти это нормально.

– Рад, что ты тоже в норме, Михаил.

– Я-то? – бывший сталкер усмехнулся. – Я по определению мимо этого состояния пролетаю. Хоть живой, хоть не очень. Но в строю, можешь рассчитывать.

– Что умеет «джокер»? – Андрей поднял пакаль и вновь обернулся к Бирику. – В былые времена, в нашей с Мухой родной зоне, я сталкивался с чем-то похожим. С артефактом «джокер». Но тогда это был не пакаль.

– И что он мог?

– Управлять любыми мутантами и вообще... – Лунёв подбросил на ладони металлическое «зеркальце», – полезная была штуковина.

– Вот и этот полезный, – Бирик кивнул. – Но ничего особенного не жди. Он «джокер» потому, что может занять любое место на доске пакалей. Слышал о такой?

– Я рассказывал вкратце, – хрипло заявил Каспер, выбираясь из своего угла. – Рад, что все живы.

– Настолько рад, что не сможешь подняться? – прошептала последняя из очнувшихся, Шурочка. – Здесь туалет есть? Я так замерзла, что сейчас обосс... э-э... ну есть или нет?!

– Посмотри там, – Андрей кивком указал на выход из серой комнаты. – Это вообще-то логово «серого». Не уверен, что им требуются удобства, но все может быть.

– Если это логово «серого», можно и не искать, прямо за дверью присаживайся, – посоветовал Муха. – Так чего у нас тут, «джокер»? Но не такой, как в нашей зоне был, да?

– О чем и говорю, – продолжил Бирик. – Это только в Игре «серых» он реальный «джокер». И на доске может любое место занять. А так... пакаль, как пакаль.

– Зеркальный? – уточнил Муха.

– Ну да.

– Который помогает, если захотеть, и к звездам улететь?

– Что-то вроде того.

– Тогда какой же он «пакаль, как пакаль»? Что ты мозги нам размножаешь? Если зеркальный, он суперпакаль! Андрей, так?

– Ма-альчики! – вдруг послышалось из-за двери. – Здесь нет туалета!

- Я ж сказал... – Муха оборвал реплику и поморщился.
- И за дверью присесть неудобно! – будто бы увидев, как он морщится, добавила Шурочка. – Со всех сторон видно будет.
- Черт, да что там еще?! – Муха метнул недовольный взгляд на Каспера.
- Чего? – парень вопросительно вскинул брови.
- Кто ее кавалер, ты или я? Иди, помогай. Не то застану твою фемину со спущенными штанами, всем будет неловко.
- Тьфу на тебя, чурбан ты бесчувственный, – Каспер «испепелил» Муху взглядом и двинулся к двери.
- Стой, – схватил его за рукав Андрей и чуть повысил голос. – Шурочка! Туалета нет, а что есть?!
- Идите сюда! – послышалось будто бы издалека. – Здесь здорово! Как дома!
- Не нравится мне это, – Муха сплюнул на серый пол.
- Есть варианты? – Бибик окинул взглядом серую комнату и решительно двинулся к двери.
- Никаких, – Муха кивнул и пошел следом.
- Каспер проводил их взглядом и обернулся к Андрею.
- Там, похоже, выход в другую зону.
- Все верно, – Лунёв невольно покосился на стену, где недавно была подсказка. – *В начале было Слово...* Погнали.
- Ну да, – согласился Каспер, – только при чем тут это? И почему ты решил, что слово было «погнали»? Ты вообще о чем?!
- Позже расскажу, идем.
- Постой, – теперь Каспер придержал Андрея. – Ты видел Мастера, пока мы были в отключке, да? Он дал новую подсказку? Игра продолжается?
- И ты этому рад? – Лунёв удивленно посмотрел на парня.
- Конечно, рад! – Каспер всплеснул руками. – Опупенно рад! В этом есть смысл!
- В Игре? – Андрей покачал головой. – Чем дольше мы играем, тем сильнее у меня подозрение, что в ней вообще нет смысла. Это Игра ради игры. Не более того.
- Но для нас-то смысл есть! Как же ты не понимаешь?! Что там хотят выиграть или не выиграть «серые», это их личные проблемы. Мы-то знаем, на что играем, правильно? На собственную жизнь и судьбу нашего мира! Разве не круто?
- Ну, так... – Андрей неопределенно помахал рукой. – Если отбросить пафос... то «семь-восемь».
- Ты просто действительно Старый! – безапелляционно заявил Каспер. – Даже древний. Как пирамида. Нет, древнее! Динозавр. Рухлядь!
- Э-э, студент, поаккуратнее на выражах, – Андрей усмехнулся. – Допустим, с динозавром согласен. И что с того?
- Ты успокоился! Жизнь прожита, можно не напрягаться и курить трубку, пока корабль идет на дно! Встряхнись! Смысл в Игре есть! Для нас – есть!
- Я понял твою мысль, – Андрей остановил Каспера жестом. – И вовсе не собирался успокаиваться. Даже наоборот – я подписал нашу группу на новое дело. Второе круче предыдущих раундов Игры.
- Это как?
- В этот раз Мастер и впрямь сделал крупную ставку. Он предложил нам поймать «серого» Претендента. Или уничтожить его. Как получится.
- Или Претендент уничтожит нас?
- Да.
- И вероятность нашего успеха процентов... десять?

– Один. От силы.

– Действительно крутая ставка, – после недолгой паузы признал обескураженный Каспер. – Все на «зеро». И ты подписался?

– Сказал же.

– Ну, то есть без колебаний?

– А ты считаешь, был выбор?

– Не было, – вздохнув, согласился Каспер. – И это круто! Погнали?

– Не вопрос, – Андрей усмехнулся и толкнул дверь.

За ней раскинулось зеленое поле, а чуть дальше, через сотню метров сонно шелестел листвою перелесок. В синем небе сияло жаркое солнце, жужжали мелкие насекомые, где-то неподалеку журчала вода. Пахло травой, цветами, пылью и много-много чем еще. В общем, вокруг был разгар настоящего лета в Северном полушарии, где-то между пятидесятой и шестидесятой широтой. Примерно посередине.

Андрей не стал загружаться версиями, как Мастеру Игры удалось «пристегнуть» эту местность к странной «серой» зоне в Антарктиде. Удалось и ладно, спасибо ему. Тем более что созданный пространственный переход был вовсе не жестом доброй воли, а техническим тоннелем для переброски игроков из одной локации Игры в другую. Не кланяются же горожане в пояс строителям каждый раз, когда спускаются в метро.

Лунёв выдохнул, шагнул за дверь и сделал медленный глубокий вдох. Это была не иллюзия. Все было по-настоящему. То есть предсказанная Мастером «иллюзия» была еще впереди.

«Что ж, значит, вперед, – Андрей догнал свою группу, которая уже перебралась в тень перелеска и расположилась на травке. – На поиски Края Века, раненых гранитных Истуканов и счастливой лягушки. Чем бы все это ни было на самом деле».

Глава 2

У границы Зоны 55 (Омск). За шестнадцать часов до дня «Д»

Наблюдательный пункт может быть любым. Из названия не следует ничего определенного. Это может быть обычная лежка в зарослях, или небольшое строение на возвышенности, а может быть, и нечто вроде сторожевой башни. Все зависит от обстоятельств. Наблюдательный пункт Омской первичной координационной базы ЦИК расположился на последнем этаже жилой в недавнем прошлом шестнадцатиэтажки. Дюжина обращенных в сторону зоны больших окон в покинутых жильцами квартирах обеспечивала отличный вид на подступы к разлому.

Оптимальный путь к разлому Зоны 55 пролегал по Новосибирскому тракту, но военные оставляли его запасным и предпочитали въезжать в зону по Черлакскому, так им было привычнее. В этом случае следовало двигаться по прямой до границы аномалии, а затем, сразу после военного поселка Светлый, сворачивать налево и ехать мимо многочисленных тренировочных площадок до большого шоссе. Ну, а там напрямик в центр зоны.

Хоть так, хоть этак, путь получался неблизкий, но и не дальний. Километров пятнадцать по асфальту и всего пять, уже на подступах к разлому, по грунтовкам. И почти весь он легко отслеживался с высоты шестнадцатого этажа.

А если подняться на плоскую крышу, то с помощью хорошей оптики можно было увидеть и перелесок в форме подковы, который окружал саму кляксу разлома. Жаль, что нельзя было заглянуть внутрь перелеска. Его подкова была открыта к северу, а НП располагался на юго-западе. Но эту проблему легко решали спутники. Координаторы на НП получали картинку в реальном времени. Ну, а подробности докладывала разведка.

Военные, полностью перекрывшие все подступы к разлому, конечно, маскировали свою технику и экспериментальную площадку вблизи разлома, но абсолютной секретности не добились. Будь в распоряжении ЦИК только спутники и наблюдатели в пограничной полосе, маскировка была бы достаточной мерой предосторожности. Но ведь у квестеров имелись еще и разведчики. И работали они весьма эффективно.

Главный координатор омской базы Владимир Бернштейн обвел взглядом видимые из окна окрестности, вернулся к столу и разложил на нем свежие отчеты. Переводить бумагу на распечатки того, что без проблем выводилось на экраны, было вроде бы нерационально, да и выглядело архаично. Многие сотрудники НП косились на стол начальника, заваленный ворохом бумаг, с иронией. Но Владимир не обращал внимания на их косые взгляды. Он точно знал, что в условиях тотальной нестабильности подстраховка лишней не бывает. Да еще на границе аномальной зоны.

Вот вырубится электричество, и что тогда? Понятно, что простейший перебой с энерго-снабжением дело нестрашное. Источники бесперебойного питания помогут сохранить все данные на первом этапе, а дальше либо подсуеются электрики, либо заработает резервная система питания. Но ведь рядом была зона! От нее можно ожидать любой гадости, вплоть до электромагнитного импульса, который не только вырубит питание, но и основательно попортит компьютеры. И вот это будет уже совсем другая песня. Тогда и станет ясно, кому ухмыляться, а кому рвать волосы, где имеются.

Разложив отчеты в правильном порядке, Бернштейн уселся в кресло и включил компьютер. Неспешно, как привык. Он вообще привык никуда не торопиться, даже если все вокруг суетились и летали, как ракеты. И, что интересно, успевал сделать гораздо больше других. Вот и сегодня он уже полчаса, как получил свежие разведданные от лучших полевых агентов своей группы, но только сейчас, хорошенько изучив рапорты разведчиков, принял решение доложить об изменении обстановки в ЦИК.

Разведчики, которые все полчаса, пока Владимир обдумывал детали предстоящего доклада и распечатывал рапорт, сидели на диване у двери и откровенно скучали, почувствовали, что их мучениям приходит конец, и заметно оживились.

– Так я что говорю... – подал голос Алексей Юрьев, разведчик со стажем, начинавший, как квестер-стрелок, но по совету начальника службы боевой подготовки и психологов ЦИК переведенный в разведку. – Завтра и не позже. Скорее всего, на рассвете.

– Я понял, – спокойно отреагировал Бернштейн.

– Ученые на ушах стоят, – добавил Митя Уланов, совсем юный, но подающий большие надежды стажер Юрьева. – А военные все деловые такие, серьезные, куда деваться. Но все равно видно, что приказ уже получили. Еле сдерживаются, чтобы не улыбнуться. Эйфория, короче. Только для солидности тщательно скрываемая.

– От кого они ее скрывают? – Бернштейн добродушно усмехнулся. Митя, наверное, самый юный в разведке ЦИК, тоже хотел выглядеть солидно и старался докладывать этак «взросло», вворачивая умные словечки и делая выводы.

– От зрителей? – Митя пожал плечами.

– От каких зрителей? Там засекречено все на сто рядов.

– Военным и зеркало зритель, – вместо стажера ответил Юрьев. – Кстати, два десятка официальных журналистов там все-таки аккредитованы. Сидят в пресс-центре, где и были, в километре к западу от точки. Чем не зрители?

– Не подпустят их ближе, – Бернштейн покачал головой. – Так и просидят в своей палатке до пресс-конференции «по итогам». Ладно, разведка, теперь тихо. Выхожу на связь с ЦИК. С самим!

– Ух, ты! – вырвалось у Мити. – А можно будет... заглянуть? Ну, посмотреть, как он выглядит? Я только на секундочку!

– На секундочку можно, – Владимир вновь усмехнулся и развернулся к компьютеру.

Юрьев загадочно покосился на стажера и усмехнулся тоже. Почему они так себя повели, Уланов понял почти сразу. Владимир Бернштейн был настолько крупным дядькой, что заслонил весь экран. Митя поерзал, но увидел только левый нижний краешек монитора. Картинки там не было, лишь служебная информация известной программы сетевой видеосвязи.

Бернштейн не часто пользовался кодом экстренной связи с «самим». Кирилл Константинович Кирсанов, известный миллиардер, медиамагнат, владелец множества компаний, а теперь в первую очередь глава Центра изучения катастроф, пожалуй, единственной глобальной структуры, способной понять и, возможно, остановить Сезон Катастроф, был и оставался очень занятым человеком. Беспокоить его по пустякам Владимиру не позволяла совесть. Да, если честно, Бернштейн и без подсказок из центра отлично справлялся со своими обязанностями. Омская зона была уже третьей в его практике. Группа Владимира занималась тем, что прибывала на место образования новой зоны, с помощью квестеров и силами своих разведчиков проводила рекогносцировку – то есть устанавливала, какие зона имеет границы, ее очевидные особенности и так далее – а затем, в течение примерно месяца, координировала действия научных и квест-групп.

По счастью, Кирсанову удалось найти на должности координаторов мобильных «первичек» нескольких весьма толковых, грамотных и ответственных сотрудников, так что идея выносных комиссий ЦИК себя оправдывала. Кстати сказать, Кирсанов и сам не засиживался в ЦИК, постоянно где-то пропадал и зачастую неожиданно появлялся в расположении «первичек». И пока вроде бы не имел ни к одной претензий.

Если за первый месяц зона не исчезала или хотя бы не меняла своих начальных параметров, координатор «первички», в данном случае основательный Бернштейн, ставил на «профайле» новой аномалии штамп с порядковым номером и передавал дела постоянным

координаторам-наблюдателям. А сам вместе со своей «группой аномального реагирования» перебирался в новую точку неустойчивости.

Раньше всеми этими делами занимались только квест-группы, которые докладывали о результатах, возвращаясь в ЦИК. Но, во-первых, скоро стало ясно, что квестерам хватает и полевой работы. Ворохи бумаг, которые они составляли, возвращаясь в ЦИК, только отнимали время и сбивали квестеров с нужного настроения. Во-вторых, и сама процедура возвращения отнимала немало времени. Если бы в зоне интересов ЦИК находились несколько аномалий на относительно небольшой территории, дело другое. Но ведь разломы были разбросаны по всему миру, со связью теперь очень часто возникали серьезные перебои, поэтому квестерам зачастую приходилось добираться через половину земного шара, чтобы рассказать об увиденном.

Нет, понятно, что доставить образцы чужеродной флоры и фауны, артефакты, а главное – пакали электронной почтой невозможно, надо везти. Но почему этим должны заниматься квестеры? Им гораздо удобнее было выйти, сдать все координаторам – и образцы, и рапорты – и спокойно работать дальше.

Третьим минусом прежней системы оставалось то, что координаторы и аналитики ЦИК зачастую с трудом понимали, о чем им докладывают квестеры. Видеозаписи, иногда даже объемные, не передавали всех нюансов. То есть циковские координаторы не могли прочувствовать ситуацию, а с воображением не у всех все было хорошо.

Ну, а четвертым отрицательным моментом в последнее время стала невообразимая загруженность ЦИК. Квестеры, персонал, члены семей, дети в спецсекторах, множество ученых... ЦИК все больше походил на муравейник. Кроме того, что толкучка мешала нормально работать, как ни старайся «поставить» службу, организовать и распределить «потoki», она становилась элементарно опасной.

В одном комплексе зданий, помещений и бункеров собирались не только данные о Сезоне, но и образцы «потусторонних» предметов и обитателей, проникших в наш мир. Виварий на специальном уровне ЦИК, по разнообразию обитающих в нем видов, уже мог дать сто очков вперед любому зоопарку. В какой-то момент это могло обернуться крупными неприятностями.

Да, ЦИК выстроили с учетом всех мыслимых осложнений. Но ведь аномальные зоны были способны и на нечто немислимое. И если это «нечто» умудрится накрыть ЦИК сразу одним медным тазом, не помогут никакие ухищрения, никакая защита и продуманная система жизнеобеспечения. И кто тогда будет продолжать работу в зонах разломов?

Имелся еще и пятый негативный момент. Секретный. С некоторых пор у Кирсанова и доверенных лиц возникло подозрение, что в ЦИК завелся крот или даже небольшая, но вредная стайка кротов. И предсказать, когда служба безопасности вычислит шпионов, было нереально, как вычислить место образования очередной зоны разлома. Так что своеобразные полевые филиалы ЦИК позволяли частично решать и проблему утечки информации. О том, что говорилось на совещаниях в «первичках», конкуренты и другая «широкая общественность» узнавали гораздо реже, чем о разговорах в главном здании ЦИК.

В общем, Кирсанов изменил и перераспределит структуру ЦИК, но при этом постарался не «утяжелять» ее и не привязывать ценные кадры к определенным местам. Мобильность – значит мобильность, плюс постоянная ротация. Впрочем, для некоторых особо ценных групп, вроде Квест-13 или группы Трофимова, система оставалась прежней, их рапорты принимали в ЦИК, и координатором, если можно так выразиться, был лично Кирсанов. Но для большинства остальных групп теперь имелись «первички», вроде хозяйства Бернштейна. Какая ближе, туда и обращайся. Там тебе и база. И квестеров это очень даже устраивало.

Как было уже сказано, связь в последнее время не отличалась стабильностью, даже самая продвинутая, но ЦИК все-таки держал определенную марку. Использовал только самую надеж-

ную и стабильно работающую аппаратуру. Так что установить видеоконтакт удалось без проблем.

Кирсанов был явно занят, лицо у него было крайне задумчивое, он что-то читал или изучал, но увидев, что на связи Бернштейн, Кирилл Константинович немедленно отложил свое занятие.

– Володя, – Кирсанов откинулся на спинку кресла и едва заметно кивнул. – Рад видеть.

На вид Кирсанову было лет пятьдесят. Среднего роста, не сказать, что крепкий, но и не астеник, что-то среднее, при этом подтянутый, как большинство людей его круга. Наверняка находил время для спорта или хотя бы для тренажера. У него были светлые, чуть выходящие волосы, располагающее в целом лицо и очень цепкий взгляд. Серые глаза за стеклами очков в тонкой золотой оправе казались одновременно шпильками, фиксирующими собеседника на месте, и сканерами, считывающими всю возможную информацию. Под таким взглядом не хотелось не то что врать или приукрашивать, не было желания даже что-то недоговаривать или, упаси бог, утаивать. Хотелось выложить все как на духу, во всех подробностях. Удерживало одно – Кирсанов был слишком занятым человеком, чтобы отнимать у него время, расписывая в красках все мелочи.

Взгляд Владимира скользнул по простому растянутому свитеру босса и остановился на крупных дорогих часах. Вот и часы Кирилл Константинович носил, как бы напоминая всем, что ценит время. Хотя ценил он и часы в принципе как предметы искусства. Ведь опять же, как многие миллионеры, любил он и искусство. А еще он был большим знатоком кухни народов мира, почти гурманом. В точности как Бернштейн. На этой почве, собственно, в свое время Бернштейн и сошелся с главным боссом. Точнее – этим он обратил на себя внимание Кирсанова.

Устроившись в ЦИК поначалу простым диспетчером-аналитиком, Владимир какое-то время исправно ходил на службу, а в свободные минутки заглядывал в столовую и вел там с поварами беседы на тему их профессии и своего хобби. Каким-то загадочным образом рассуждения Бернштейна дошли до Кирсанова. Однажды он тоже заглянул в столовую и попал на очередную лекцию Владимира. В тот раз лекция была об особенностях кухни юго-восточных провинций Китая. Не представившись, «включив случайного прохожего», Кирсанов вставил несколько реплик, Владимир ответил, и у них завязался разговор. Постепенно они перешли на другие темы, а затем и переместились в другую часть ЦИК, в небольшой ресторан для высшего руководства – обычно пустовавший, поскольку высшим руководством в центре себя считал, пожалуй, только начальник охраны Рудин. Сам Кирсанов и его ближайшие помощники были более демократичны во всех отношениях.

А уже на следующий день Бернштейн сидел в кабинете у главного босса и рассуждал не о мировой кухне, а о сугубо практических вещах. Например, как оптимизировать работу ЦИК, не ломая при этом хорошо отлаженную систему. Собственно, создание мобильных «первичек» и было идеей Бернштейна. И всего через два месяца стало ясно, что идея себя оправдала. Естественно, Владимир получил не только особый статус и широкие полномочия, но и разрешение беспокоить Кирсанова в любое время дня и ночи.

Главный координатор не злоупотреблял этим разрешением, но и вовсе в автономное плавание уходить не собирался. Кажется, эта сбалансированность подходов и нравилась Кирсанову больше всего. Он мог доверять Бернштейну почти как себе. Вот что было главным. И конечно же, плюсами были хороший, но не «мягкий и пушистый» характер и общая взвешенность и грамотность координатора. В конце концов, с ним можно было перекинуться парой слов о кухне народов мира!

– Кирилл Константинович... добрый день.

– Ты опять? – Кирсанов взглянул на координатора чуть укоризненно. – Мы ведь договорились. На ты.

– Здесь... – Бернштейн скосил глаза вправо. – Разведчики.

– Не отговорка.

– Очень трудно ломать внутренние стереотипы. Да и стоит ли?

– Теперь убедил, но все равно, постарайся, – Кирсанов побарабанил пальцами по столу и зачем-то поменял местами лежавшие на рабочем столе перед компом смартфон и связку ключей с брелоком в виде забавной розовой свинки. Словно сделал ход в шахматной партии и теперь ждал ответного хода от Бернштейна. Разве что кнопку на шахматных часах не нажал. Впрочем, в следующий миг Кирсанов выключил планшет, который стоял в подставке справа. Жест вполне мог сойти за выключение своей части часов. – Какие новости?

– Не буду томить... – Бернштейн взял паузу.

Он вообще говорил настолько неторопливо, что другой на месте Кирсанова уже крикнул бы: «Не тяни резину!» Но Кирилл Константинович отлично понимал, что сейчас имеют значение не только слова, но и паузы, жесты, мимика и даже расстояние собеседника до монитора. То есть до веб-камеры в его рамке. Вот Владимир чуть подался вперед, и это означало, что сейчас он скажет или покажет нечто, предназначенное только боссу. Почему было не выставить из кабинета разведчиков и не поговорить открыто? Кирсанов этого не знал, но опять же понимал, что Бернштейн неспроста ведет себя так, как ведет.

– Знаешь что, Володя, – Кирсанов поднялся из-за стола, – сменю-ка я обстановку. Разомнусь заодно. Засиделся что-то.

Бернштейн кивнул. Собственно, на это он и намекал своим, казалось бы, немного странным поведением. Да, дело было не в разведчиках, притихших в кабинете координатора на диване у двери. Владимир без слов, взглядом и едва заметными телодвижениями просил Кирсанова перейти в другую комнату резиденции. В ту самую, где они впервые обсуждали скорректированную структуру полевой квест-сети ЦИК. Это была не нахальная прихоть координатора. Кирсанов сам предупредил, что только в этой комнате можно разговаривать, не опасаясь ничего и никого. В принципе, ЦИК был абсолютно надежным объектом, никакие конкуренты или внешние злопыхатели не могли прослушивать разговоры его сотрудников, да еще в главных отсеках, но в последнее время приходилось страховаться по полной программе. То есть и от внутреннего врага. Кроты определенно не дремали.

В секретной комнате обстановка была не такой по-деловому сумбурной, как в рабочем кабинете-студии. Здесь не было мониторов, рабочих столов, заваленных бумагами, стеллажей и вспомогательных столиков со множеством нужных и ненужных предметов, вроде дополнительных планшетов, качественного, но архаичного музыкального центра, разномастных кресел и вычурных трехмерных конструкций непонятного простому смертному назначения.

В «аквариуме» все было просто и лаконично, как в приемной, за которой следит дама-секретарь со строгой прической, в роговых очках и всегда одетая в крахмальную блузку и прямую юбку чуть ниже колен. Казалось, она вот-вот войдет через одну из трех одинаковых дверей и поинтересуется тоном автонавигатора, не хотят ли господа кофе. Впрочем, строгость и даже некоторая безвкукусность интерьера – дорогой, но скучный ламинат на полу, стены под замшелый кирпич, белый потолок с точечными светильниками и ни одного окна – компенсировалась тремя яркими пятнами. Вернее – одним темным и двумя яркими. В одном из углов стояла огромная, наверное, двухметровая узкая черная ваза, на одной из стен висела абстрактная картина, а посреди комнаты стояло «дизайнерское» кресло в виде раскрытой раковины вызывающего купоросного цвета.

В него-то и уселся Кирсанов, и положил на колени прихваченный в кабинете-студии планшет.

– Теперь твоя душенька довольна? – Кирсанов улыбнулся.

– Вы сами говорили, даже в ЦИК возможны проблемы с утечкой информации.

– Да, есть такое подозрение. Наши группы все чаще встречаются в зонах черных квестеров – именно квестеров, – Кирсанов взял короткую, но многозначительную паузу. – Думаю, ты понимаешь.

– Понимаю. Разрешите приступить?

– Ох, Володя, – Кирсанов все-таки не выдержал и усмехнулся, – и любишь ты... не спеша спускаться с горы. Ладно. Приступай.

– Все наши предварительные данные подтверждены. Файл с новой записью я скинул.

– Да, да, вижу, – Кирсанов перевел взгляд на дополнительное «окошко» в углу экрана. – Я провентилировал тему по своим каналам. Источники в Минобороны тоже подтверждают информацию. Так, значит, это и есть пресловутая Редукционная Установка Кукумберга?

– Она самая.

– Похоже на какую-то систему линз.

– Автоматизированную систему, но в целом довольно простую, – уточнил Бернштейн. – Сегодня утром были проведены первые тесты. Это тоже есть в отчете. Если верить цифрам, у профессора Кукумберга и его военных помощников все получилось. Мои разведчики заверяют, что видели эффект своими глазами.

– Невооруженными, – вырвалось у Мити.

– Очевидный эффект, это интересно, – Кирсанов снял и снова надел очки. – Но я все равно не верю в успех Кукумберга и военспецов. Они пытаются объять необъятное. Влезть в дела, о которых имеют лишь приблизительное представление.

– Я тоже так считаю, но нельзя отрицать факты, – аккуратно возразил Бернштейн. – В результате тестового запуска площадь разлома уменьшилась на пять процентов.

– Я тоже не склонен отрицать такие серьезные факты. Но что они доказывают? Что установка работает? Да. Что солнечный свет, отраженный от пакалей и сфокусированный на центре разлома, закрывает дефект пространственно-временного континуума? Нет. Мы не понимаем природу разлома, а значит, его редукция под воздействием луча этого «гиперболоида инженера Кукумберга» – лишь гипотеза. Да, эффект замечен, но в чем его суть? Разлом уменьшается потому, что восстанавливается структура пространства-времени или же он просто меняет форму и вытягивается не в горизонтальной плоскости, а становится глубже?

– Бездна не может стать глубже, – заметил Владимир.

– А ты уверен, что разлом это бездна? Судя по тому, с какой легкостью в нее ныряют «серые», это что-то конечное. Ведь они не самоубийцы. Они ныряют, куда-то попадают, и переместившись по этому неведомому «дну разлома», выходят через новый разлом. Некоторые квест-группы клянутся, что видели одних и тех же «серых» в разных местах, как раз после «нырков».

– Да, я слышал. Правда, не понимаю, как же они ухитряются различать «серых».

– По телосложению. Твои бывшие коллеги-аналитики прогнали несколько записей через программы идентификации. Похоже, квестеры правы. К тому же из разломов появляются «потусторонние» существа, бактерии, растения и так далее. Могли бы они выпрыгнуть из бездны?

– Чтобы прыгнуть, нужна опора, – ответил Владимир. – В бездне им было бы не от чего оттолкнуться. Образно говоря.

– В точку! – Кирсанов щелкнул пальцами. – Так что в данном случае оперировать сомнительными фактами и строить на их основе гипотезы по меньшей мере странно. Все равно что выводить закон всемирного тяготения из наблюдения за молнией. Да, она проскакивает между небом и землей. Нам даже кажется, что она бьет в землю. Но следует ли из этого, что молнию притянула земля, в результате чего молния упала с неба, поскольку так велит закон тяготения?

– Молнию «притянула» разность потенциалов, если упрощать.

– О чем и речь. Никто из нас не знает, что такое разломы на самом деле. Мы даже не вправе утверждать, что это разломы. Мы с уверенностью так говорим, исключительно ради сохранения психического здоровья, своего и окружающих. Ведь абсолютно неизведанное может напугать людей до полного сумасшествия. Вот мы и стараемся делать хорошую мину при плохой игре, делаем вид, что понимаем хоть что-то в происходящем. Но себе-то мы должны говорить правду, иначе захлебнемся своим же враньем. Мы не можем повлиять на разломы, поскольку не знаем достоверно главного – что же они такое на самом деле. Выходит, попытки как-то заштопать черные раны гранитного истукана зеркальными иглами с продетыми в них солнечными нитями – абсурд и авантюра.

– Красиво, – Бернштейн задумчиво кивнул. – Про раны истукана. Получается, вообще не стоит пытаться?

– Смотря о чем ты сейчас спрашиваешь. Если о редукции разломов – нет. Это самообман, они не закроются, какую бы дрянь мы в них ни вылили, ни бросили и как бы их ни осветили. А найти систему в происходящем, сложить все кусочки мозаики и уже после этого попытаться сыграть и выиграть, по-моему, стоит. Мы этим и занимаемся, в отличие от уважаемых европейских ученых и отечественных военных специалистов. Только пакали, собранные на доске, закончат эту игру и восстановят целостность мира. Да, это тоже лишь гипотеза, но она опирается на более весомые и, главное, объяснимые факты, нежели пятипроцентная редукция разлома под действием отраженного от пакалей солнечного света.

– Жаль, не всем это понятно. Военные всегда нас недопонимали.

Кирсанов замер и как-то странно посмотрел на Владимира.

– Вернее, до последнего момента, – добавил Бернштейн.

– Я рад, что ты закончил мысль. Это раньше военные нас не слушали, кривились презрительно и крутили пальцем у виска. Теперь они пересмотрели свои взгляды...

– Прямое доказательство – использование в установке зеркальных пакалей, – закончил его мысль Владимир. – Они все равно рассматривают «изделия ноль» как технологические детали, а не как артефакты. Но в их практической ценности больше не сомневаются. И это осложняет дело.

– Верно, – Кирсанов развернулся вместе с креслом. Перед ним вдруг откуда-то появился небольшой сервировочный столик с кофе и бутербродами. Война войной, а завтрак по расписанию. Вернее, по желанию. Кирсанов зачастую забывал о расписании, но это не означало, что он оставался голодным. – Мой любимый паштет. Фазан с черносливом. Волшебный вкус. А на хорошо прожаренном тосте... вроде бы ничего особенного, но это лучший завтрак в мире. Жаль, Володя, что ты не можешь разделить со мной этот скромный ланч. Ты, кстати, завтракал? Не хочешь налить себе кофе? Мне так будет удобнее. И разведчикам налей тоже.

Бернштейн на секунду обернулся. Митя тут же вскочил и выскользнул за дверь. По коридору налево в пяти шагах была скромная кухня. Несколько секунд позже из кухоньки донесся звук закипающего кофейника.

– Все верно, – запивая бутерброд с паштетом, сказал Кирсанов. – Лучше бы военные так и оставались в полной уверенности, что мой интерес к пакалям – блажь чокнутого миллионера. Но теперь что имеем, то имеем. Получается, пакали, которыми пользуются ученые под контролем военных, выключены из оборота. Заметь, Володя, это очень сильные артефакты, все четыре – зеркальные. Мало того, на них нанесена прямая последовательность символов. Я правильно понял?

– Да, Кирилл... Константинович, – запнувшись, подтвердил Бернштейн. – Геометрические рисунки. Пятиконечная звезда, крест с заостренными концами, треугольник с вогнутыми сторонами и сильно вытянутый ромб. Хотя, по мне, так все это следовало бы называть звездами, только с разным количеством лучей. Пять, четыре, три и два.

– Читал лет десять назад забавный рассказ «Звезда с одним лучом», – Кирсанов доел бутерброд. – И в нашем случае, если найдется пятый пакаль из этого ряда, на нем будет либо звезда Давида, либо... этакая запятая. Последовательность, скорее всего, продлится в ту или другую сторону.

– Либо не будет ничего. Джокер.

– Почему не какой-то обычный рисунок? – заинтересовался Кирсанов.

– Вброшены одновременно четыре, да еще зеркальных пакаля, с четкой последовательностью рисунков... – Владимир задумчиво потер подбородок. – Слишком много из ряда вон выходящих условий сразу. Случайно все так сложиться не могло. Очевиден умысел. Но умысел всегда подразумевает результат. Что может гарантировать результат? Только универсальная страховка от любых неожиданностей. Джокер, пакаль без рисунка и линий на обратной стороне, может заменить любой пакаль. Выйдет из игры звезда – звезду, ромб – тоже не проблема.

– Как вариант, – Кирсанов кивнул. – Ты прав в главном, это редчайший случай. На сегодня мы смело можем называть его уникальным. Четыре зеркальных пакаля, в одном месте, да еще явно связанных друг с другом. Мне просто до зубовного скрипа хочется взглянуть на линии с их обратной стороны. Где их места на доске пакалей?

– Пока они в руках у военных, ничего не получится.

– Это я понимаю. Если верить твоим отчетам о количестве войск в оцеплении, захватить пакали не удастся даже с помощью всех квест-групп вместе взятых.

– Похоже, даже «серые» не рискуют соваться в «научный лагерь», – Бернштейн постучал пальцем по папке с отчетом. – Я писал вам в прошлой служебной записке об их повышенной активности в зоне. Хотя, поймешь их, почему они только мелькают и ничего конкретного не делают.

– Да, «серые» для нас не ориентир, – согласился Кирсанов. – Но и без них ясно, что связываться с «карантинным войском» нам не резон. Остается ждать и наблюдать, хотя есть у меня очень плохое предчувствие, Володя. Добром все не закончится. Запуск назначен на завтрашнее утро? И ты прекратишь когда-нибудь «выкаты»?

Он взглянул на часы. У Владимира мелькнула мысль, что в прежние времена «на такой сумме он ездил» и считал, что имеет очень недешевую машину бизнес-класса. И тогда, и сейчас не все, конечно, измерялось деньгами, многие люди заслуживали уважения вне зависимости от достатка, но... перейти с миллиардером Кирсановым «на ты» у координатора никак не получалось. Вот хоть ты тресни!

– Да. Разведчики считают, что запуск в пять тридцать.

– Времени достаточно. Пришлю-ка я к тебе, Володя, несколько свободных групп квестеров. Пусть организуют еще пару НП. Для более объемного отслеживания ситуации. Только не подумай, что не доверяю.

– И мысли не было. Все правильно. Случай особый.

– Но ты в любом случае пока остаешься главным координатором.

– Пока? – Бернштейн вопросительно приподнял бровь.

– Пока не прибудет тот, кто главнее тебя, – Кирсанов усмехнулся. – На вечер у меня намечены кое-какие дела, а утром жди в гости.

– Считаете, что все настолько... тревожно?

– Считаю, Володя. И необязательно подбирать слова. Дело дрянное, это очевидно. Я понимаю, пока ничего плохого не произошло, может показаться, что мое предчувствие – перестраховка. Но ты ведь знаешь, из ничего ничто не берется. Подоплека предчувствий – это всегда осмысление информации на подсознательном уровне. Понимаешь меня, Володя?

Кирсанов так посмотрел на собеседника, что тот вдруг понял – сейчас или никогда.

– Я понимаю... Кирилл, – координатор, наконец, сумел поймать себя вовремя и прикусить язык, когда тот уже собрался провернуться, помогая губам артикулировать отчество босса.

Похоже, Кирсанову понравилось, что Владимир, наконец, сумел преодолеть себя и перешел-таки на ты.

– А если так, сформулируй вместо меня, – с улыбкой предложил Кирсанов. – Ты ведь следила за мыслью? Ключ к моим сомнениям, что это?

– В нем три составляющих, – без колебаний ответил Бернштейн. – Четыре редчайших пакала в одном месте – первая. «Серые» не отнимают пакали и вообще не пытаются вмешаться, хотя их присутствие стопроцентно подтверждено – вторая. И Кукумберг придумал, как использовать отраженный пакалями солнечный свет, хотя описание этого феномена было строго секретной информацией ЦИК.

– Последнее отбрось, – Кирсанов покачал головой. – Военным давно известно это свойство «изделия ноль», как называют они пакали. Не знаю, сами додумались, где-то подсмотрели или кто-то им подсказал. Теперь это не имеет значения. Но даже отбросив последнюю составляющую, что мы получаем на выходе? Давай, Володя, подтверждай звание лучшего координатора всех «первичек»!

Во взгляде Кирсанова появились искры азарта. Он будто бы мысленно сделал ставку, оправдает или нет Бернштейн оказанное ему в очередной раз «высокое доверие». Владимир также взглядом дал понять, что принимает игру, но с ответом не спешил. И это, похоже, завело Кирсанова еще больше. Он сменил позу и подался вперед, в предвкушении развязки.

– Даже первых двух составляющих достаточно, чтобы сделать вывод, что это все... провокация, – ответил Владимир. – И устроили ее «серые».

– Вот! – Кирсанов выдохнул и расплылся в улыбке. – С меня плов! Готовлю лично, когда разведем эту ситуацию. Гарантирую, даже ты, мой искушенный друг, оближешь пальчики.

– Согласен... – Бернштейн почесал кончик носа. – Но если это провокация, дело может затянуться.

– Не если, Володя, а стопроцентно провокация. И редчайшая! «Серые» еще никогда не устраивали такой Игры. Массовой, масштабной.

– Поэтому... ты... стягиваешь сюда всех свободных квестеров.

– Все верно. Но до моего прибытия ими распоряжаешься ты, как договаривались.

– Я не стану ими распоряжаться, – вдруг заявил Бернштейн.

– Извини? – Кирсанов опешил.

За спиной у Владимира непонятный звук издал Митя, а затем как-то странно, будто бы сдувающийся воздушный шарик, прошипел Юрьев. Разведчики, так же как руководитель ЦИК, не поняли Бернштейна, но если Кирсанов действительно недопонял, без задних мыслей, то подчиненные координатора мгновенно накрутили себе черт знает каких фантазий вплоть до версии «бунта на корабле».

– До завтрашнего утра границу зоны не переступит ни один квестер, ученый или разведчик, – невозмутимо пояснил координатор. – И только если в пять тридцать ничего страшного не произойдет, я начну отдавать квестерам распоряжения.

Разведчики за спиной выдохнули, тихо, но с явным облегчением.

– Одобряю, – сказал Кирсанов. – Пусть до утра новые группы побудут на границе. Я позвоню в пять. Удачи, Володя.

– Удачи... – Бернштейн опять смалодушничал и не назвал шефа по имени.

Отключив связь, он развернулся к разведчикам и взглянул на них слегка иронично. Оба сидели с перекошенными физиономиями, сжимая в руках кружки с остывающим кофе, и таращились на координатора, как на мессию, который только что запросто пообщался со святым духом. К тому же осмелился ему сначала «тыкнуть», а потом еще и подначил этак по-свойски.

Как ни странно, первым вышел из ступора стажер. Он, не заглядывая в кружку, отхлебнул кофе и едва заметно кивнул.

– Все правильно. Очень похоже на подставу. Только зачем?

– А я думаю, это что-то другое, – возразил Юрьев. – Очень уж бестолково мелькают там «серые». Нет, правда. Я раньше не понимал, что тут не так, но теперь осенило. Увидеть «серого» не проблема, да? Но когда? Если поблизости пакаль. Подбрасывают «серые» нам пакали или, наоборот, мешают их забирать – когда как. Правильно? А тут что выходит? Они просто нарезают круги и ничего не делают.

– Пакали зафиксированы в установке, – напомнил Бернштейн. – И очень крепко зафиксированы. Но продолжай, интересно.

– Что им та фиксация? – Алексей Юрьев пожал плечами. – Раз ковырнуть ножиком. Но «серые» даже не приближаются к установке. Они, как та гоголевская нечисть в «Вие», ходят вблизи мелового круга, а внутрь – никак. Почему? Не видят, что ли, установку? Пакали чувствуют, а где они спрятаны, не понимают? Что им мешает?

– Маскировочная сеть не мешает точно, – сказал Митя.

– Тогда что? – Юрьев уставился на Владимира.

– Нет команды, – спокойно и уверенно, как на вопрос «дважды два?», ответил координатор.

– Во! – Алексей показал ему большой палец. – Точно! Нет распоряжения! Как ты квестерами, кто-то не хочет распоряжаться «серыми», пока не прояснится, что тут происходит.

– А от кого нет распоряжения? – спросил Митя. – И почему? Зоне уже неделя. И установку тут винтят третий день. За такое время можно было даже с Плутона «добро» и всякие там инструкции получить.

– Почему с Плутона? – Юрьев посмотрел на стажера с иронией.

– Ну, или откуда эти гуманоиды родом?

– Вряд ли оттуда. А нет распоряжения, потому, что нет ясности, говорю же.

– «Серые» сами все устроили, но у них нет ясности? – Митя поморщился. – Алекс, ты извини, но ты гонишь.

– Поговори еще, салага, – Юрьев в шутку погрозил стажеру кулаком.

– Вы оба правы, – вдруг сделал вывод Бернштейн. – «Серые» понимают, что затевается провокация, которую придумали другие «серые». Поэтому-то и не могут ничего поделаться с пакалями. Похоже, правила их Игры не разрешают перехватывать фишку на этом этапе. Если, конечно, у их Игры есть правила.

– Квестеры говорят, что правил нет, но ты все равно голова, командир, – Алексей Юрьев одобрительно кивнул. – «Серые», вероятно, и хотят, что-то сделать, но не могут.

– И это мне вдвойне не нравится. Если «серые» хотят предотвратить завтрашний запуск установки...

– Но не могут, – подсказал разведчик.

– Но не могут... – Бернштейн кивнул. – Этот момент не нравится мне даже больше, чем все прочие вместе взятые. Чувствую, завтра в полшестого случится что-то очень плохое.

– И никак нельзя это остановить? – спросил Митя. – Может, стоит поговорить с военными? Ну, не совсем же они...

– До утра отдыхайте, – не ответив Мите, приказал координатор. – Или помогите с размещением новых квестеров. Первая группа прибудет через час, вторая в полдень. Остальные – к вечеру.

– Мы поможем, – Юрьев кивнул. – Мы ж одна команда. Я отведу первую группу на старый НП, а Митя поможет разместить остальных.

– Спасибо, разведка. Жду через час на вертолетной площадке. Как только управитесь, отдыхайте. Завтра будет трудный день.

Глава 3

У границы Зоны 55 (Омск). За двенадцать часов до дня «Д»

Шагнув за порог серой комнаты, Андрей тут же выкинул из головы ненужные мысли, но отбросить врожденную любознательность не сумел. Он почти на сто процентов был уверен, что, обернувшись, не увидит никакой двери «из зимы в лето», и все же обернулся. «Дверь» захлопнулась настолько стремительно, что Лунёв не успел увидеть ничего, даже быстро уменьшающейся щелочки. Вместо двери или хотя бы стены, в которой была прорезана эта дверь, позади Андрея раскинулось открытое пространство. Зеленое, необъятное, летнее.

Андрей окинул взглядом окрестности, подсознательно пытаясь определить, куда на этот раз перебросил своих игроков Мастер, но каких-то особых примет не обнаружил. Обычная средняя полоса... чего-то. Скорее всего, России, но по какую сторону Урала – вопрос. Природа была «типовая»: зеленые поля, березовые перелески, недалеко большая река. А какой тут климат – мягче или жестче обычного, допустим, поволжского, сейчас понять было нереально. По обе стороны евразийского «станового хребта» в разгаре было жаркое лето.

Лунёв подошел к товарищам и уселся на траву в тени березы. Идеальное место для отдыха. И тень кстати. После Антарктической заморозки к теплу следовало привыкать постепенно, чтобы не стрессовать дополнительно и без того потрепанный организм.

– Я надеюсь, мы не на Острове опять, – неутомимый Муха успел нарезать круг по перелеску. – На юге большая вода, а на севере шоссе. Есть версии, куда нас занесло?

– Ой, даже если на Остров, – Шурочка зябко повела плечиками. – Здесь хотя бы тепло.

– Это не Остров, – уверенно сказал Каспер и указал на пятак высохшей травы на поле. – Дождей не было давно, а там они как по расписанию. И воздух здесь другой.

– Это как? – на парня покосился Бирик.

– Прозрачнее, что ли, и не такой... мягкий. Резче он, звонче, хрустальнее, чище... я не знаю, короче, как объяснить, – Каспер взглядом указал на небо. – И небо другое. Выше.

– Фантазер ты, – Бирик усмехнулся и достал из кармана штатный квестерский комп, среднего между планшетом и смартфоном размера, который в ЦИК почему-то, наверное, по замшелой привычке, именовали ПДА. – Делайте ставки, господа гусары и милые дамы.

– Работает, что ли, на связь? – заинтересовался Муха. – Мы не в зоне?

– Похоже, нет, мы в чистом поле, – Бирик вывел на экран данные спутниковой навигации. – Вот, полюбуйте. Полста четыре градуса пятьдесят минут и чуть меньше полусотни секунд северной широты...

– Это заметно, – Муха кивком указал на ближайшую березу.

– То есть Евразия? – уточнил Каспер.

– А почему не Канада? – пожимая плечами спросил Муха.

– Сейчас узнаем точно, – Каспер поднял руку. – Барабанная дробь!

– Семьдесят три градуса и двадцать девять минут с хвостиком восточной долготы, – закончил Бирик.

– Вот так! – Каспер сжал кулак и будто бы ударил по невидимому столу локтем. – Муха, с тебя пиво!

– Это где? – вопросительно хлопая чудными густыми ресницами, спросила Шурочка у Лунёва.

– Это в Сибири, – ответил Андрей.

– Если точнее, мы на окраине города Омска, – Бирик поднялся, еще раз заглянул в комп, а затем повертел головой. На лице у него почему-то отразилась легкая растерянность. Или что-то похожее, например, ностальгическое умиление. Суровый бывший полковник словно

вернулся в какое-то памятное место. И память об этом месте у него осталась явно хорошая. Словно о бабушкином домике в деревне. – Вот уж не думал, что еще раз тут окажусь.

– Ты здесь бывал? – спросил Муха. – Ориентируешься? Куда лучше двинуться?

– Да погоди ты с движением, – отмахнулся Бибики и не удержался, наконец, от улыбки. – Надо же... столько лет!

– Сколько? – заинтересовался Каспер.

– Ты столько еще не прожил, – Бибики обернулся к Лунёву: – Вообще-то, когда мы выдвинулись в квест... в тот еще, Московский, десять дней назад, здесь никакой зоны не было.

– Так ведь ее и сейчас нет, – Андрей взглядом указал на комп.

– Здесь нет, – Бибики указал на северо-восток. – А там она есть. База данных только что обновилась. Зона 55, Омская, разлом горизонтальный, в чистом поле, в трех километрах от поселка Аксаковка. Диаметр зоны стандартный, южная граница проходит по Черлакскому тракту и берегу Иртыша. Тракт вон там, – квестер указал на ближайшее шоссе. – А Иртыш вон, через поле.

– Все правильно, – заявил Каспер. – Стал бы Мастер перебрасывать нас в чистое место! Зачем? На каникулы?

– Наблюдательный пункт и первичная база ЦИК расположены в пригороде Омска, на улице Светловской... – прочитал Бибики и вновь поднял взгляд на Андрея. – Я знаю, где это. По этому вот шоссе до большой развязки и направо. Хотя можно нехило срезать, но тогда придется идти через зону и военный городок.

– Тебя чем-то не устраивают военные? – Лунёв удивленно взглянул на Бибики. – На Острове ты с ними вроде бы ладил. Не со всеми, конечно, но все-таки.

– Что пишут, то и озвучиваю, – Бибики показал комп. – В этой зоне у нас с военными какие-то разногласия. Мои личные пристрастия не играют роли. Вроде как армия перекрыла доступ в зону всем и вся, включая квестеров. Подробности смогу доложить после встречи с местным координатором. Идем на базу?

– Мы же... как бы не совсем квестеры, – заметил Каспер. – Что нам делать на твоей базе?

– Ты плохо слушал? – спросил Бибики. – Военные изолировали эту зону наглухо. И для острастки объявили карантин. Якобы разлом стал источником особо опасного вируса. Все, кто войдет в зону, будут тоже изолированы. На неопределенный срок.

– Но ЦИК подозревает, что этот карантин – фикция?

– ЦИК точно это знает.

– И почему не надавит... ну, или как-то еще не подвинет вояк? Ваш Кирсанов такой крутой дядя и ничего не может поделать?

– Или не хочет пока, – вдруг высказался Муха. – Каспер, хорош звенеть. Прямоком к разлому не пройдем, значит, надо искать подходы. Андрей, я правильно говорю?

– Все верно, – Лунёв поднялся, пусть ему и хотелось еще немного побыть таким сказочно-лубочным персонажем, посидеть под березкой, расслабленно, но все равно задумчиво вглядываясь в чистое поле у реки. – Мастер дал очень замысловатую подсказку, но первая строка не оставляет сомнений. Идти надо туда, где мы найдем «слово», а не пакаль. А еще лучше – целую «библиотеку».

– Информационный центр, – переименовал Бибики. – Это все на первичной базе. А насчет того, что вы не квестеры... я разберусь. Все-таки кое-какой вес имею.

– Центнер? – Муха ухмыльнулся и кивнул. – Питаетесь вы, господа квестеры, определенно качественно и обильно. И это лично для меня еще один стимул пойти к вам в гости.

– Да я тоже не против, главное, чтоб пустили в гости-то, – пошел на попятную Каспер.

– Сказал же, разберусь, – Бибики взял автомат на ремень. – На первичных базах координаторы обычно нормальные мужики, не какой-нибудь там рудинской породы. А узнают, как мы по зонам прошвырнулись, вообще растают.

– Если б мы пакали им принесли...

– Мы новую информацию о зонах им принесем, – сказал Андрей. – Это не меньшая ценность, чем пакали.

– Вот именно, – согласился Бибик. – Особенно, думаю, Остров с Антарктидой их интересуют. Кроме нас... «из нашего ЖЭКа там никто не был»...

...Затяжной пеший марш по жаре был утомительным мероприятием, но очень скоро группа забыла об усталости и о голоде, который стал ощущаться особенно остро, когда отпустил стресс. Дело было в умиротворенности, которая вдруг охватила всех, даже вечно настроженного Муху, после первого же километра пути. Окраина города производила впечатление абсолютно нетронутого Сезоном Катастроф местечка. Никаких разрушений, никакой тревожной суеты или других признаков близости аномальной зоны здесь не наблюдалось. По шоссе не ездили машины, это было необычно, а в остальном жизнь шла, как в старые добрые времена. Изредка вдалеке на улочках и во дворах пригородных домиков и дач мелькали люди. Где-то лаяли собаки, пели птицы, жужжали мухи. Ленивый ветер шелестел листвой деревьев и поигрывал вполне мирными деревенскими запахами.

По мере приближения к городу звуков и запахов становилось больше, они делались более резкими и даже агрессивными, но все равно среди них не было ноток разрушения. Никакой трескотни выстрелов, или гула и рокота военной техники, никакого запаха гари, пороха, тлена, или едкого, кислого запаха страха, который зачастую исходил от перепуганной толпы в окрестностях других зон. Собственно, и толпы тут не наблюдалось, но в других местах запах страха висел в воздухе повсюду, даже там, где никто не бывал уже давно.

Миновав «клеверную» развязку, группа свернула с Черлакского на Новосибирский тракт и вскоре вышла на перекресток с улицей Светловской. Отсюда место, где квестеры устроили свою базу, было видно как на ладони. То есть определить издали, что это именно база, было трудно, но подсказка не потребовалась даже Шурочке. База была одновременно наблюдательным пунктом, а в лесостепной зоне хороший наблюдательный пункт должен был находиться на крыше самого высокого здания. Выше всех здесь была только одна относительно новая шестнадцатизэтажка в километре от перекрестка. К ней все дружно и направились. И не прогадали.

Ровно через четверть часа группа уже сидела в прохладном подъезде дома, из которого лишь пару дней назад были эвакуированы жильцы. Да и то не все. Сыграла свою роль та самая умиротворенность, что царила на подступах к зоне. Люди понимали, что оставаться рядом с зоной опасно, но в душе надеялись, что не так страшен черт, что власти перестраховываются и, вообще, что это явление временное. Исчезла же по неведомому капризу свихнувшейся природы зона номер пять в соседнем Новосибирске. И чем хуже Омск?

Обо всем этом новоиспеченные квестеры успели поговорить с тремя непременно для любого дома «бабушками на лавочке», пока Бибик докладывал координатору базы о прибытии сводной группы. Найдя в лице гостей благодарных слушателей, бабушки прониклись к ним сочувствием, пригласили в гости к самой зажиточной – у нее была трехкомнатная на первом этаже, напоили холодным домашним квасом и даже предложили окрошки.

Вежливо отказался только Лунёв, ему было важнее осмотреться. Зато Муха навернул две порции, чем заслужил особую любовь сердобольных старушек. Ведь какая бабушка не любит, когда внучата хорошо едят? Каспер и Шурочка им тоже приглянулись, особенно когда оба невольно потупились в ответ на вопрос, парочка ли они. Скромность молодых людей, в понимании старшего поколения, заслуживала всяческих похвал. Короче говоря, подступы к базе квестеров были «взяты без боя». Оставалось миновать средние этажи. И этим занялся Лунёв.

Поначалу Андрей собирался просто прогуляться перед домом, чтобы осмотреться и понять, какие на самом деле проблемы и опасности могут подстерегать группу в окрестностях новой зоны. Привычка все держать под контролем давно стала если не второй натурой, то глав-

ным свойством первой. Но Лунёв не успел даже выйти из подъезда. Едва он шагнул из квартиры гостеприимной старушки на лестничную клетку, в кармане ощутимо завибрировал пакаль.

Поблизости от зоны, практически на территории условной квестерской базы, этого можно было ожидать, но Андрея заинтриговала внезапность, с которой пакаль вдруг ожил. Если предположить, что в данной точке пространства пакаль отреагировал на другой артефакт, то сразу возникал вопрос – почему он молчал раньше? Входя в квартиру, Андрей двигался ровно этим же маршрутом. Получалось, в тот момент второго пакала поблизости не было? Значит, он не лежал в каком-нибудь тайнике, сейфе или в ящике стола у местного координатора, а перемещался в пространстве. Скорее всего, находясь в кармане у неизвестного квестера или... допускать такое не хотелось, но все же – или у «серого»!

Лунёв медленно двинулся к выходу – вибрация стала затихать. Тогда Андрей сменил направление и начал подниматься на второй этаж. Пакаль вновь завибрировал вполне отчетливо. На уровне третьего этажа вибрация стала довольно сильной и увеличила частоту. Ближе к пятому пакаль зудел уже как электрическая зубная щетка. Андрею даже стало казаться, что вибрирующий пакаль теперь видно сквозь ткань и, главное, слышно.

Андрей почти бесшумно поднялся на пятый этаж и остановился у решетки, которая перекрывала всю лестницу. Было заметно, что решетку установили буквально пару дней назад. По другую сторону преграды переминался с ноги на ногу скучающий квестер. Впрочем, нет, не квестер. Боец был одет в другую униформу, хотя и с эмблемами ЦИК, и был экипирован намного проще. На нем был бронежилет, а на плече висел неизменный «Хеклер», но разгрузки, рюкзака, подсумков на поясе и прочей необходимой в зоне атрибутики, у него не было. И смотрел он на непрошеного гостя вопросительно-изучающим взглядом опытного охранника.

– Могу вам чем-то помочь?

Вопрос он тоже задал типичный и «штатным охранным» тоном.

Лунёв попытался проанализировать ощущения. Пакаль вибрировал ровно, сильно и даже начал потихоньку нагреваться. Но сказать определенно, что второй артефакт лежит в кармане именно у этого охранника, Андрей не мог. За спиной у бойца были пять дверей. До любой из них два-три метра. И за любой из них мог находиться тот, кто действительно таскает в кармане пакаль. То есть на выбор имелись сразу шесть вариантов только на этом этаже. А сколько их было выше, еще на одиннадцати? Ясно было одно: из-за решетки этого не выяснить.

– Наниматься пришел, – Андрей изобразил добродушного открытого новичка. – Кто тут собеседует, подскажешь?

– Занят он пока, – охранник мгновенно «включил ветерана». – Тут обожди. Откуда сам?

– Алтайский.

Лунёв легко мог представиться и новосибирцем или уральцем, но к первым омичи относились ревностно, а для второго у Андрея в арсенале не было подходящего говорка. Поэтому он выбрал промежуточный вариант.

– А-а, бывал, – охранник кивнул. – Раньше на Горный ездил каждый год. Или ты из края?

– Как раз с Горного, из Чемала.

– Служил?

– Давно было, – Андрей прокрутил варианты ответа и выбрал самый подходящий, как ему показалось. – Краповый.

– Ох, ты! – оживился охранник. Андрей явно попал в точку. Охранник в прошлом служил во внутренних войсках. – А я не дотянул, прикинь! На рукопашном срезался. Участвовал?

– Было, – Лунёв скользнул взглядом по вискам, мочкам ушей и шее охранника, затем зацепил краем глаза край татуировки на предплечье, под закатанным рукавом, вновь прокачал варианты ответа и опять выбрал самый подходящий. – Полгода по перевалам. Слышал, может, операция «Печенег».

Судя по возрасту охранника, качеству и содержанию его памятной татуировки, он должен был служить на Кавказе примерно в то время, когда проводилась упомянутая Лунёвым операция.

– И я там был, земля! – воодушевился боец. – У Бобра в группе! А ты?

Дальше все было просто. Имена командиров, позывные, ход событий и прочие детали той операции Андрей знал отлично.

– Шустрый командовал.

– Е-мое! Соседи на правом фланге! Когда самый замес был, помнишь, Аль-Халед прорывался, меня контузило, с тех пор вот... по частным конторам. Олег!

Он попытался просунуть руку сквозь решетку, потом понял, что это выглядит некрасиво, поморщился – «да что это я, своим-то не доверяю!» – и открыл дверь.

Андрей прошел и пожал охраннику руку. Вибрация пакаля в кармане не усилилась, но и не ослабела.

– Андрей, – представился Лунёв. – А кто вообще принимает пополнение?

– Ну, это дело такое... – охранник почесал в затылке. – Положено через нашего босса, Владимира Владимировича, решать...

– Через кого?

– Рудина, – охранник хмыкнул. – Но это если в конторе. А в первичках координаторы все решают. Если есть потребность в кадрах, Бернштейн запросто тебя утвердит. Я замолвлю словечко, – добавил он авторитетно, – нам такие кадры нужны. В охране, правда, комплект, но полевые постоянно требуются. То одна группа в зоне зависнет, то другая. На самом деле я не советчик в этом смысле...

– Да нормально, я черной работы не боюсь.

– Так если бы она просто черная была. Квестеры ведь не только зависают, и пропадают иногда. Вот сейчас группа Бибика вернулась по частям. А мы ведь поначалу их списали. А ночью связь с тринадцатой пропала. Сложная, короче, работа, Андрюха, и опасная.

– Опаснее, чем в горах была?

– Сравнимо.

– Тогда прорвемся.

– Так-то да, – охранник вздохнул, – только мы тогда на пятнадцать лет моложе были. Хотя, вот Бибика взять, он еще «за речкой» успел повоевать, и ничего, курсирует по зонам, как та подлодка, не тонет. Вот в Москве нырнул, а тут вынырнул. Да что я тебя страшаю и угрожаю... сам решай. Кабинет начальника на шестнадцатом. Квартира прямо. Но пока Бирик не выйдет, ты не ломайся. Он здоровый такой, седоватый, с выправкой. Бывший полковник. Выйдет, тогда ты заходи.

– Спасибо, Олег.

– Удачи, земля.

Андрей двинулся по лестнице, по-прежнему прислушиваясь к ощущениям. Пакаль вибрировал ровно, как будто владелец второго артефакта поднимался в ногу с Лунёвым по соседней лестнице. Между тем никакой соседней лестницы не существовало, а лифты стояли. Не по тросам же в лифтовой шахте поднимался загадочный владелец второго пакаля.

Время в запасе было, на переговоры с охранником Лунёв потратил вдвое меньше времени, чем планировал, поэтому он позволил себе провести элементарный эксперимент. Остановился – вибрация осталась на прежнем уровне, – а затем спустился на этаж. Пакаль завибрировал чуть сильнее.

«Что и требовалось доказать».

Андрей вновь сосредоточился на внутренних ощущениях и как бы невзначай сместился к распахнутому настежь окну лестничной площадки. Вибрация едва заметно усилилась. То есть Андрей двигался в горизонтальной плоскости, причем не в сторону квартир, но пакаль

реагировал. Этот факт подтверждал теорию параллельного передвижения. Но как, черт возьми, двигался загадочный незнакомец? Летал за окном, как то «привидение с мотором»? Вроде бы ничего подозрительного за окном не мелькало. Полз по стене?

Лунёв приготовил к бою оружие и резко выглянул из окна. Внизу было чисто. Слева, справа, сверху... Андрей едва успел отпрянуть. Наверху, прямо над окном к стене из красного кирпича, прижималось нечто отдаленно напоминающее нестандартного, почти прозрачного человека-паука. Казалось, что это просто легкое искажение воздуха, похожее на марево, которое поднимается над горячим асфальтом в знойный полдень. Одно отличие – это «марево» имело четкие очертания. Под другим углом и с расстояния в три-пять метров, а уж тем более с земли, его было не разглядеть, но Андрей видел очертания фигуры «паука», а вернее – «хамелеона», вполне отчетливо.

Лунёв взял под прицел окно, попятился и продолжил подъем по лестнице. Он не надеялся, что сумеет вовремя очутиться на более выгодной позиции – выше притаившегося между окнами «прозрачного», но и атаковать снизу посчитал неразумным. Если снаружи дома находился тот, о ком Андрей подумал – «серый», – следовало учитывать малейшие нюансы.

Пакаль с каждым шагом вибрировал, казалось, чуть слабее. Это означало, что «серый» остается на месте. Андрей поднялся на следующий этаж, бесшумно приблизился к окошку, также по случаю жары распахнутому, и резко высунулся, направляя автомат вниз.

«Серого» там не было. Его вообще больше не было поблизости. Пакаль в кармане у Лунёва еще вибрировал, но колебания были почти незаметными. Прошло секунд тридцать, и артефакт вовсе успокоился.

Получалось, «серый» приходил не за пакалем Лунёва, хотя такая мысль была самой очевидной, ведь противник довольно долго полз по стене строго с той же скоростью, с которой поднимался по лестнице Андрей. Да и отнять пакаль он мог запросто – неожиданно атаковав с тыла, когда Лунёв еще не сообразил, что на самом деле происходит. Но этого не произошло.

«Случайная встреча? Верится с трудом. Мастер? Тоже слабая версия, зачем ему прячется и ползает по стенам? Не факт, конечно, что это был наш «клиент», Претендент, но почти наверняка и не Мастер Игры. Еще какой-то «серый»? И что ему здесь было нужно? Приходил на разведку? За пределами зоны? Очень странно. Но, кстати, выгодно. Есть о чем поговорить с местным координатором. Как там его... Бернштейн? Ну что ж, посмотрим, какой это Бернштейн...»

Андрей легко преодолел оставшиеся лестничные марши, остановился перед дверью наблюдательного пункта, а заодно и «канцелярии» первичной базы ЦИК в зоне 55, и прислушался...

... – Вот такие, в целом, вести с полей, – подытоживая вводную часть беседы, сказал Бернштейн. – На самом деле, Степан, тебя не так уж долго не было. Понимаю, что при такой насыщенной программе тебе показалось, что прошла вечность, но... у нас всего-то возникли две новые зоны. Полста вторая в Аргентине и эта.

– А между ними две зоны где? – спросил Бирик.

– Пока под вопросом. Вроде, как твоя Антарктическая. То, что ты ее нашел – жирный плюс тебе в личное дело. И к помощникам твоим штатским будет особое отношение, заслужили. Но ведь ее все равно искать придется заново. Где она там конкретно упрятана?

– Это не ко мне, – ответил Бирик. – Как пришел туда, так и ушел, транзитом. И по другим зонам прогулялся, прямо скажем, как лист по ветру.

– Не твоя вина. Квесты дело непредсказуемое. Да и не вину здесь надо искать, а данные фиксировать. Ценнейший материал! Сейчас, правда, запарка с этой новой зоной, рапорты надиктовывать некогда, но завтра, если все нормально будет, прошу ко мне на обстоятельную беседу.

– Есть, понял. Я что еще хотел обсудить... насчет моих новых бойцов. Старых, я так понял, уже распределили?

– Временно. Юра Макогон зачислен в группу Трофимова. После Питерской стычки с «серым» Трофимов уже оправился, но у него остался один Финн, тоже после лечения. Туда же зачислили Антона Поспехова. Они сейчас в тридцатой работают. А дока твоего, Чернявского, зачислили в группу Ежова. Ты, кстати, встретишься с ним. К вечеру Еж и компания здесь будут. Можешь забрать.

– Нет, если зачислили, пусть там и работает. А я уже и с этими начал срабатываться.

– Я не возражаю, Степан. Работай с вольнонаемными, если масть идет. Но в квестеры их зачислить не смогу без обязательных процедур. Такое только сам Кирсанов может. Да и то... Рудин прямо возразить не посмеет, но плешь ему обязательно проест за подобную самостоятельность. А я вообще не могу, не имею полномочий. Временно привлечь по контракту – это запросто. Тем более обстановка тут шаткая, того и гляди осложнится, каждый кадр будет на счету. Но в штат без проверок и других формальностей – никак.

– Да бог с ним, со штатом. Пусть по временным карточкам работают. Может, так даже удобнее будет.

– Фонд оплаты и снабжения из расчета обычной группы. У тебя сколько этих вольных? Четверо? Один лишний, получается. А позже я буду вынужден прислать дока и получится, что лишний двое. Придется двоих выгнать или перекинуть в другие группы.

– Это хуже, – задумчиво проронил Бирик. – С оплатой туда-сюда, терпимо, а если придется отсылать кого-то. Ну, девчонку, допустим, можно снять с баркаса, а остальных... не хотелось бы разбивать. Слушай, один из них студент, бывший, полгода не доучился. Может, его доком назначить? Парень толковый.

– Я подумаю. Вряд ли научный отдел даст добро, но пока... завтра посмотрим. Все завтра, Степан.

– А что завтра-то? Какая-то большая операция намечается? Я никак не вкурю. Ты все как-то загадочно... вокруг да около. Завтра то да се. И группы съезжаются.

– И не только группы, – дверь открылась и на пороге возник Лунёв. – Вы простите, я кое-что подслушал.

– О, Андрей, ты как сюда попал?

– По лестнице.

– Там же охрана, – Бирик обернулся к координатору. – Знакомьтесь. Это Андрей Лунёв. А это наш координатор Владимир Бернштейн.

– Читал о вас, – Владимир смерил Лунёва внимательным взглядом.

– Книгу? – Андрей вопросительно поднял бровь.

– Досье, – координатор взглядом указал на компьютер. – В ЦИК имеется нечто вроде особого списка...

– Черного?

– Нет. Особого. В него занесены люди «сомнительного происхождения»... прошу понять этот термин правильно. Вы в списке первый. Вы ведь не отсюда?

– Но и не из разлома, – Андрей спокойно выдержал взгляд Бернштейна. – Чтобы не усложнять, считайте меня вымышленным персонажем.

– Мне нетрудно и усложнить, – Владимир заглянул в компьютер. – Разделение главной последовательности пространственно-временного континуума. Две тысячи восьмой год. Ключевая точка в районе многострадальной Чернобыльской АЭС. Предположительно, это сложное событие стало одной из деталей пускового механизма Сезона Катастроф. Если угодно, упомянутое событие подготовило почву для него.

– Скорее, просто подтолкнуло события в этом направлении, – уточнил Андрей. – Но очень скоро последовательность вновь станет единой.

– Вашей? – Бернштейн заинтересовался. – Так сказать, «вымышленной»?

– Единой. Поэтому будет трудно сказать, вашей или нашей. Я предпочел бы третий вариант, в котором не будет ни проблем моего мира, ни вашего.

– Не будет этих проблем, найдутся другие, – заметил Бибик. – Вы закончили меряться суммарной длиной извилин?

– Закончили, – Андрей усмехнулся. – Я, собственно, по делу пришел.

– Я уже договорился, как вам и обещал... – попытался вставить реплику Бибик. – Вы все теперь временные сотрудники ЦИК.

– Спасибо, но не об этом речь. Вы сказали, что съезжаются квест-группы. Так вот, не только они. Только что я спугнул разведчика «серых».

– Откуда вы его спугнули? – удивленно спросил координатор.

– Прямо отсюда, со стены вашей базы. Карабкался, как человек-паук.

– Совсем оборзели, – фыркнул Бибик.

– Ценная информация, спасибо, – задумчиво проронил Бернштейн. – Вы проходите, Андрей, присаживайтесь. Я поясню кое-что. Проходите, проходите! То, что вы возглавляете «список пришельцев», не значит, что ЦИК вам не доверяет. Ваше досье завизировано самим Кирсановым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.